

ства и мѣстныхъ властей *), духоборы не могли въ первое время практически осуществлять своихъ противообщественныхъ, религіозно-коммунистическихъ тенденцій, а содержали ихъ, подобно остальнымъ другимъ нашимъ сектамъ рационалистическаго направленія—въ принципѣ. Но вотъ само же правительство создаетъ такую организацію въ ходѣ исторической жизни секты, которая привела сектантовъ къ практическому осуществленію исповѣдываемыхъ ими антихристіанскихъ и противоправительственныхъ началъ вѣры и жизни. Здѣсь разумѣется правительственное распоряженіе 1802 года «о соединеніи всѣхъ содержащихъ духоборческое ученіе во едино» и о водвореніи послѣдователей этой секты на тучныхъ поляхъ Тавріи, съ большимъ надѣломъ (по 15, а въ натурѣ по 37 дес. на душу) и съ льготами по уплатѣ податей на 5 лѣтъ.

III. Второй періодъ жизни духоборческой секты и присвоеніе ею себѣ правъ особаго государства въ государствѣ.

Со времени поселенія на Молочныхъ водахъ начинается *второй періодъ* въ исторической жизни духоборческой секты, продолжающійся до распоряженія (1839 г.) Императора Николая Павловича о выселеніи Мелитопольскихъ духоборцевъ въ Закавказье. Жизнь въ Закавказьѣ (съ 1841 г.) до событій 1886 года, начавшихся со смертію послѣдней правительницы секты—Дукерыи Васильевны составляетъ *третій періодъ*. Послѣднее мятежное для духоборческой секты десятилѣтіе составитъ особый *четвертый періодъ*, который долженъ закончиться предстоящими правительственными мѣропріятіями, которыхъ ждутъ духоборцы и всѣ заинтересованные духоборческою эпопеею русскіе люди.

Обращаясь къ обслѣдованію *второго*, самаго главнаго въ исторіи духоборія періода,—нельзя не видѣть, что правительственная мѣра массоваго сплотенія духоборцевъ въ одной общинѣ, тогда считавшаяся, между прочимъ, «надежнѣйшимъ средствомъ къ погашенію ихъ ереси», на самомъ дѣлѣ дала совершенно обрат-

*) Правительственныхъ гоненій, въ смыслѣ систематическаго пріятія общихъ мѣръ секта эта за убѣжденія совѣсти своихъ адептовъ никогда не претерпѣвала,—суровыя наказанія касались лишь нѣкоторыхъ пропагандистовъ и изуверовъ.

ные результаты: съ 1802 года секта получила всё средства къ жизненности и упроченію своихъ вредныхъ соціально-религіозныхъ началъ и русскіе люди отданы были въ вѣковую кабалу своекорыстныхъ агитаторовъ, слѣпыхъ вождей слѣпой массы. Актъ величайшей милости гуманнаго Монарха, главари секты поспѣшили истолковать въ томъ превратномъ смыслѣ, что отсетѣ секта получаетъ права отъ словъ перейти къ дѣлу и можетъ осуществить въ жизни безмысленныя мечтанія и противогосударственныя вожделѣнія. Темной массѣ людей, оторванныхъ отъ родной православной почвы, главари тогда внушали, что само правительство признало, будто бы за сектою право на свое особое существованіе, потому и отводить отдѣльную территорію, отказывается отъ вмѣшательства въ ихъ религіозно-нравственный и общинный бытъ,—что правительство требуетъ отъ нихъ,—членовъ новой религіозной общины, лишь внѣшняго подчиненія извѣстнымъ существующимъ законамъ и исправнаго взноса податей (дань) и проч.—Духоборчество, такимъ образомъ, пріобрѣвши съ территоріальною общностью на «Молочныхъ водахъ» возможность къ твердому сплоченію, постепенно развивало и укрѣпляло общность соціально-религіозныхъ убѣжденій. Для образованія изъ духоборческой общины собственно государства—не доставало тогда одного шага, а именно общности власти. Хотя по ученію, исповѣдываемому членами либеральнаго союза, всё братья—равны и свободны и на землѣ у нихъ признавалась теократическая власть одного Царя Небеснаго, но эта власть до ея реализаціи въ жизни являлась слишкомъ отвлеченною, тѣмъ болѣе, что авторитетъ власти общегосударственной—власти Русскаго Царя, Помазанника Божія, оставался въ глазахъ массы сектантской неволью, въ силу унаслѣдованныхъ отъ русскихъ предковъ традицій, непоколебимымъ и незыблемымъ, а это препятствовало окончательному обособленію духоборческой общины. Отдѣльные вожаки секты, выдающіеся и по уму и по способностямъ и жаждавшіе такого именно обособленія секты, въ силу эгоистическихъ стремленій, отлично понимали такое положеніе вещей, но и сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что для борьбы со столь сильнымъ авторитетомъ, какъ власть Русскаго Государя—единственнымъ возможнымъ противовѣсомъ въ глазахъ массы слѣпыхъ послѣдователей можетъ явиться лишь власть воплотившагося Бога—и вотъ появляется новый догматъ въ ученіи секты о, воплощеніи, въ лицѣ избранныхъ лицъ духоборцевъ, самаго Сына Божія Иисуса

Христа, а вслѣдъ засимъ объявляется первый богочеловѣкъ— Савелій Капустинъ, дѣлающійся уже законнымъ владыкой и полно-властнымъ деспотическимъ правителемъ всего духоборья. Реформа эта превратила окончательно и принципиально прежній социальнорелигіозный союзъ религіозныхъ вольнодумцевъ въ отдѣльное государство. Идея эта должна была привиться и восторжествовать въ силу уже того одного, что по существу своему она была въ интересахъ общины, какъ оторванной отъ организма общей жизни единицы, тѣмъ болѣе, что развитая жожаками доктрина логически вытекала изъ всѣхъ предыдущихъ историческихъ событій. Не со-здайся строгой, опредѣленной власти, секта и какъ ученіе, и какъ община никогда не могла-бы получить достаточно стойкой формы, а существованіе ея не могло-бы быть долговѣчнымъ и подпало-бы общему закону разложенія и измѣненія, какой мы видимъ въ жизни другихъ сектъ и раскола. Такимъ образомъ, на «Молочныхъ водахъ» организовалось «духоборческое государство» въ государ-ствѣ и просуществовало до нашихъ дней.

Вся послѣдующая политика главарей новаго миниатюрнаго государства также совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ предыдущаго. На первыхъ порахъ сектанты хлопочуть изо всѣхъ силъ достигъ по мѣрѣ возможности еще большаго обособленія отъ Имперіи—своего бывшаго отечества. Новому народу недоставало своего собственнаго имени и вотъ начинаются настойчивыя хло-поты о признаніи за нимъ самостоятельнаго названія «духоборцевъ». Далѣе, первому властителю необходимо было для упроченія власти на будущее время обезпечить преемственность правящей власти въ своемъ родѣ—и вотъ появляется новое ученіе, также принятое на вѣру безпомощнымъ народомъ и такъ евозведенное въ догматъ— о переходѣ души Христовой послѣдовательно отъ отца къ сыну одного и того же избраннаго рода и въ результатъ получается установленіе правильной наслѣдственной священной династіи— «линии» Калмыковыхъ, съ резиденціею въ формѣ «Сиротскаго дома», который сосредоточивалъ въ себѣ и отправлялъ всѣ функ-ціи духоборческаго государственнаго учрежденія. Важно было для главарей укоренить также въ массѣ сознание о ея независимости отъ властей Имперіи и вообще о политической самостоятельности духоборья, и вотъ начинается рядъ проповѣдей, истолковывающихъ народу его положеніе совершенно въ превратномъ, но въ выгод-номъ для главарей смыслѣ. По этимъ проповѣдямъ Русскій Царь

выдѣлили духоборцевъ изъ своего государства и отдалъ имъ землю съ условіемъ лишь платить дань. Такимъ образомъ, постепенно сектантамъ внушено было, что «отечество» духоборца не вся Русская земля, а только та, на которой они живутъ, вмѣщающая въ себѣ и ихъ учрежденія (Сиротскій Домъ) и ихъ собственную власть («Линія Калмыковыхъ»), что Сиротскій домъ собственно и служить олицетвореніемъ ихъ «отечества». Но Русскій Царь силенъ и могущественъ и съ нимъ по неволѣ нужно жить мирно и исполнять нѣкоторыя его требованія, но только тѣ, которыя разрѣшаетъ глава духоборскаго народа, только онъ одинъ и властенъ приказывать «вѣрующимъ». Всякія русскія власти—не могутъ вмѣшиваться во внутренніе распоряжки, а если же власти и вмѣшиваются иногда, то не иначе какъ съ соизволенія главара духоборцевъ. Всѣ русскіе люди, входящіе въ сношенія съ духоборцами или наѣзжающіе къ нимъ по разнымъ дѣламъ и служебнымъ и частнымъ трактовались или какъ гости, или какъ бы послы, или представители дружественной сосѣдки—Россіи, а обращаться надо съ ними такъ, какъ укажетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мудрая глава духоборья и т. п.

Но проводя эти и подобныя имъ принципы въ сознаніе и жизнь народа и тѣмъ закрѣпощая массу въ своей власти, главари, очевидно, не могли не сознавать вмѣстѣ съ тѣмъ и всей опасности, какъ домокловъ мечъ грозившей духоборью имъ со стороны русскихъ властей, въ случаѣ если бы таковыя принципы начали провозглашаться къмъ либо въ сектѣ публично и громогласно. Изъ этого опасенія и пристекаетъ тотъ кодексъ лукавства, лицемѣрія, скрытности и лжи, который деспоты-главари съ своими совѣтниками верховодами, пользуясь слѣпой вѣрой и рабскою покорностью своихъ простодушныхъ послѣдователей и прибѣгая несомнѣнно при этомъ къ помощи желѣзной дисциплины и различныхъ шарлатанскихъ приемовъ, заставили воспринять послушный народъ, какъ нѣчто таинственное, священное и обязательно необходимое, при всѣхъ сношеніяхъ съ лицами, къ сектѣ не принадлежащими, а особенно со всякаго рода представителями власти могущественнаго и опаснаго для секты сосѣда—Русскаго государства. Такія дипломатическія сношенія, обыкновенно, велись должностными сельскими лицами старшинами, старостами. Послѣдніе вездѣ и всегда избирались по приказу главы духоборской секты и были не агентами правительства, а слугами Калмыковыхъ и Лукерьи Васильевны. Во главѣ этихъ лицъ стоялъ 23 года старшина Зубковъ,—человѣкъ рѣдкаго ума и

необыкновенно хитрый духоборецъ. Далѣе деспотическимъ вождямъ нуженъ былъ народъ смиренный, покорный и неспособный къ проявленію какой либо инициативы или протеста. Изъ этого начала вытекаютъ всѣ основныя положенія внутренней желѣзной дисциплины секты: отсюда изытіе изъ употребленія книгъ священнаго писанія, которыя одни могли умудрить во спасеніе погибающихъ духоборцевъ и пролить свѣтъ на тьму ихъ лжеученія, обличить безнравственныя преступныя дѣянія главарей секты,—отсюда гоненіе на школы и грамотность, какъ на просвѣтительныя средства, способствующія развитію интеллектуальныхъ силъ массы,—обязательное отчужденіе, въ тѣхъ же видахъ, всѣхъ сектантовъ отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ, какъ грѣховнымъ (халуискимъ), требованіе безусловнаго и непрекословнаго повиновенія главарямъ и ихъ агентамъ,—постоянныя напоминанія о томъ, что главарь воленъ во всякое время всевластно распорядиться и личностью, и имуществомъ каждаго члена секты и т. п. Отсюда же и система жестокихъ наказаній: кошки, плеть, подземелья, практиковавшіяся келейно, при всякомъ случаѣ уклоненія отъ установившагося режима; изувѣрства эти—повлекли за собою ужасныя злодѣянія, за которыя Императоръ Николаѣй Павловичъ выселилъ духоборцевъ въ Закавказье. Такова общая картина тѣхъ исторически сложившихся соціальныхъ условій жизни духоборчества и той политики, которой держались главари секты, благодаря которымъ имъ удалось мало по малу тысячи русскихъ добрыхъ, но ослѣпленныхъ безумнымъ лжеученіемъ людей, оставленныхъ правительствомъ въ теченіе цѣлаго вѣка на произволъ судьбы,—превратить изъ религіозно-либеральнаго сообщества во враждебное родинѣ государство самаго деспотическаго типа.

То же государственное недоразумѣніе относительно сплоченнаго массоваго поселенія духоборческой секты повторилось, къ сожалѣнію, и въ 1841—45 годахъ, при выдвореніи духоборцевъ изъ Таврии на Кавказъ, а потому духоборцы и здѣсь зажили совершенно тою же жизнію и въ тѣхъ же совершенно условіяхъ внутренняго быта, ничего не забывъ изъ прошлаго и ни чему не научившись, а наоборотъ,—еще съ большимъ фанатизмомъ сектанты отдались на этой отдаленной свободной окраинѣ своимъ противоправительственнымъ, соціально-политическимъ началамъ вѣры и жизни. Независимо отъ изложеннаго, надъ исторією духоборческой секты тяготеютъ и другія государственныя ошибки и

недоразумѣнія, плодомъ которыхъ являются нынѣшнія печальныя событія въ Закавказскомъ духоборьѣ. Сюда нужно отнести недостатокъ должнаго вниманія мѣстной гражданской и духовной власти къ событіямъ, происходившимъ въ нѣдрахъ сектантскихъ общинъ, ложная тенденція слишкомъ большого довѣрія правительства къ духоборчеству въ частности, къ сектантству вообще, подкупающему, обыкновенно, симпатіи администраціи своимъ дешевымъ фарисействомъ и лицемѣрною угодливостью; въ сущности же все наше рационалистическое сектантство представляетъ собою въ государствѣ элементъ горючій,—крайне ненадежный, какъ по основамъ своего религіозно-либеральнаго ученія, такъ и по составу своихъ вождей, которые вездѣ въ сектахъ являются «духовными деспотами» въ отношеніи массы, ужасная тиранія которыхъ основана на безуміи и себялюбіи, прикрывающихся лишь наружнымъ стремленіемъ принципиальнаго будто бы служенія Богу и общественному дѣлу секты.

Обращаясь къ историческимъ свѣдѣніямъ, мы видимъ, что Таврическая администрація того времени не обращала своевременно должнаго вниманія на преступную организцію духоборческой общины и на незаконное положеніе въ средѣ вѣрноподданныхъ русскаго Царя сектантскихъ властителей Калмыковыхъ; не замѣчено было, очевидно, и несоотвѣтственное назначеніе духоборческаго государственнаго учрежденія, безъ котораго секта не мыслить себя, т. е. Сиротскаго дома, съ его гаремомъ (при Калмыковыхъ), рощами, садами, ключами, домами, пока, наконецъ, не грянулъ громъ, въ формѣ выяснившихся вопіющихъ явленій, каковы, напри- мѣръ, безслѣдное исчезновеніе замученныхъ людей, укрывательство цѣлыхъ шаекъ дезертировъ,—груды человѣческихъ костей въ подземельяхъ, кошки и застѣжки, исторія съ закопаннымъ живымъ увѣщателемъ священникомъ и т. д.

Тогда же, какъ видно изъ дѣлопроизводства, открыто было у секты общественное династическое имуществъ и секретный капиталъ, справедливо конфискованный правительствомъ, какъ плодъ тайнаго незаконнаго учрежденія.

IV. Третій періодъ жизни секты (въ Закавказьѣ).

Не смотря на уроки Таврической исторіи духоборья, при изслѣдованіи жизни секты въ Закавказьѣ встрѣчаемся съ тѣмъ же печальнымъ явленіемъ полнаго невмѣшательства миссіи

церкви въ религиозную сферу духоборчества и рѣшительнаго невниманія мѣстной власти къ внутренней жизни сектантства. Здѣсь достаточно будетъ указать на тотъ фактъ, что центральное Кавказское Управленіе въ свое время отклонило на примѣръ совершенно резонное представленіе губернатора Бебутова о необходимости отдать въ обученіе состоявшихъ подъ опекою двухъ сыновей умершаго главы духоборческой секты Иларіона Калмыкова, «такъ какъ дѣтямъ этимъ духоборы воздаютъ какое-то особое божеское почитаніе»,— писалъ губернаторъ. Кажется, въ такомъ случаѣ ничего-бы и не оставалось лучше, какъ дать обученіе «сиротамъ обожаемымъ». И кто знаетъ, можетъ быть свѣтъ просвѣщенія чрезъ нихъ озарилъ-бы новыми лучами темное духоборское царство? Непонятно далѣе, почему, при богатствѣ духоборцевъ, правительство не сдѣлало попытокъ къ заведенію здѣсь школъ? Автономія духоборческой секты доведена до того, что всѣ должностныя лица освобождены на примѣръ отъ ношенія правительственныхъ знаковъ старшинъ, старость, сотскихъ, тогда какъ въ духоборьѣ, наравнѣ съ другими, введено было волостное управленіе. Интересно также и то явленіе, что сельскихъ должностныхъ лицъ назначала не община, а управительница секты— Лукерья Васильевна, администраціи же неизмѣнно десятки лѣтъ подавлялись приговоры «о единогласномъ избраніи» однихъ и тѣхъ же почти всегда угодныхъ главѣ лицъ. Судъ и расправу производили старички не по законамъ волостного управленія, а по кодексу духоборческихъ законовъ, утверждала же рѣшенія глава секты; духоборовъ пороли, какъ нигдѣ въ мірѣ, но жаловаться никто не смѣлъ и въ силу вѣрованій въ непогрѣшимость власти правителей, и въ силу страха подпасть бѣльшимъ наказаніямъ. Къ своему суду и расправѣ духоборы допускали даже и туземцевъ, имѣвшихъ какія-либо столкновенія съ сектантами.

Въ теченіи 50-ти лѣтъ нѣтъ ни одного дѣла по жалобамъ духоборовъ на своихъ членовъ ни въ административныхъ, ни въ судебныхъ учрежденіяхъ. Такое своеобразное поведеніе духоборцевъ, повидимому, очень нравилось мѣстной власти и очевидно не наводило кого слѣдовало на мысль объ истинной причинѣ такого явленія, а наоборотъ возбуждало симпатіи и вызывало горячія похвалы спокойному, трудолюбивому духоборческому муравейнику,— какъ образцовымъ плательщикамъ податей (дани) и тихимъ скромнымъ людямъ; а того, какія жестокости производились въ подземельяхъ и на конюшнѣ у Лукерьи Васильевны, никто не хотѣлъ знать.

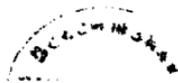
Между тѣмъ духоборы, по собраннымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ, далеко не были и въ Закавказьѣ невинными голубями. Несомнѣнно за ними и здѣсь водились и пороки, и преступленія: есть основаніе полагать, что ряды духоборцевъ пополнялись и въ Закавказьѣ, какъ и на Молочныхъ водахъ прибывавшими изъ центральныхъ губерній единовѣрцами и числившимися здѣсь подъ фамиліями умершихъ. Извѣстенъ, напримѣръ, случай совращенія грузина, безъ вѣсти пропавшаго, на самомъ же дѣлѣ служившаго долгое время кучеромъ у пророчицы. Существуютъ ужасные рассказы объ изжаренномъ заживо въ печи татаринѣ—дошеводѣ, объ облавѣ духоборь на воровъ татарь, которыхъ они стрѣляли, какъ зайцевъ. Кромѣ молодечества, дородства, бодрости духа, ловкости въ работѣ, въ сферѣ собственно внутренняго міра въ жизни духоборь ничего привлекательнаго не видно. Религіозный индифферентизмъ, жестокость характера, скрытность и лукавство, отсутствіе идеальныхъ, возвышенныхъ чувствъ и воззрѣній, пьянство и широкій развратъ—всегда характеризовали внутренній бытъ секты, особенно же со времени прилива богатства, послѣ заработковъ на русско-турецкой войнѣ (духоборческія общины получили отъ казны за перевозочныя средства около 1¹/₂ милліона).

Кавказскій духоборь весь до мозга костей практикъ и матеріалистъ; задачи жизни всё сводятся у него къ тому, чтобы наибольше *расплодиться, разжиться, разжирѣть и хорошенько при случаѣ повеселиться*. Отсюда ранніе браки (бываютъ и въ 12 лѣтъ), ни во что ставится цѣломудріе дѣвушки, полная свобода отношеній половъ *).

Примѣръ безнравственнаго развратнаго поведенія подавалъ самъ Сиротскій домъ, съ его развратными пьяными правителями. При похоронахъ, напримѣръ, Петра Калмыкова закуплено было до 3000 ведеръ водки, такъ что въ окрестности въ этотъ день нигдѣ въ духанахъ (кабакахъ) нельзя было найти и полуштофа водки.

Насколько духоборы умѣли маскировать свои отношенія къ

*) Удостоверили въ существованіи поразительныхъ случаевъ разврата, такъ что женщина, не имѣя, напримѣръ, вѣскольکو копѣекъ для уплаты лавочнику за покупку—не стѣсняется тутъ же за стѣной уплатить натурою.... Отець или свекоръ, заставъ сноху или дочь въ преступленіи, журить ее не за грѣхъ, а за то, почему она сошлась съ такимъ «плюгавымъ», а не съ Иваномъ Бравымъ... При выдачѣ дѣвицъ руководятся теоріею полового подбора.

мѣстной правительственной власти и казаться до послѣдняго времени надежными вѣрноподданными и лучшими слугами Царя и отечества, указываетъ уже тотъ одинъ фактъ, что ими и молоканами колонизирована главнымъ образомъ новопріобрѣтенная и орошенная кровію православнаго русскаго воинства Карская область.

Жизнь въ Закавказьѣ можетъ считаться во всѣхъ отношеніяхъ цвѣтущею эрою духоборческой секты, и въ частности—относительно господства въ ней идеи о самобытномъ, отчужденномъ отъ общей жизни русскаго государства, существованіи общины, какъ самостоятельной единицы. Благосклонное отношеніе къ сектѣ и ея главѣ со стороны правительственной власти, особенно послѣ услугъ духоборовъ на войнѣ—рѣшительно опяняло наивныхъ возгордившихся духоборѣ, и они были увѣрены, что вся ихъ организація дѣло совсѣмъ непреступное, упроченное и безповоротное. Попустительство власти дозволило организоваться при Сиротскомъ домѣ цѣлому штату придворныхъ около управителей секты, съ своеобразнымъ, но строгимъ этикетомъ: эти атаманы, старшины, старушки—были въ сущности придворные Лукеріи Васильевны; на глазахъ у всѣхъ образовалась при особѣ владычицы духоборческой вооруженная стража, въ нѣсколько десятковъ всадниковъ, въ костюмѣ чуть не конвоя Его Величества. Стража эта мчалась за пророчицею всегда и вездѣ, по городамъ и селамъ. Духоборческіе казаки были любимыми дѣтищами пророчицы, ея двора и всего духоборья, такъ какъ это льстило самолюбію невѣжественной толпы, наивно вѣрившей въ крѣпость занятой сектою позиціи въ предѣлахъ русскаго государства. Эти побрякки власти и загибы духоборчества имѣютъ свое значеніе въ исторіи событій, происшедшихъ въ духоборьѣ послѣ смерти Лукеріи Васильевны. Едва-ли можно согласиться съ мнѣніемъ, что будто-бы секта предъ смертью Лукеріи Васильевны ходомъ вещей была уже подготовлена къ переходу къ новымъ формамъ общинной жизни безъ главы секты,—подъ кровомъ правительственной власти. Болѣе основательнымъ, повидимому, будетъ то заключеніе, что расколъ, произшедшій, со смертію пророчицы, при рѣшеніи вопроса о новомъ управителѣ, засталъ духоборье рѣшительно врасплохъ и совсѣмъ не подготовленнымъ къ жизни на новыхъ общегосударственныхъ началахъ, а потому и не нашлось во всемъ духоборьѣ «мужа совѣта», въ качествѣ примирителя партій, метавшихся въ теченіе

8-ми лѣтъ изъ одной стороны въ другую, какъ-бы отуманенные и именно застигнутые врасплохъ. Желательный для государственныхъ интересовъ переворотъ совершился среди духоборья совершенно случайно и для власти. Будь кандидатъ болѣе умнымъ и тактичнымъ, духоборье и теперь продолжало-бы существовать какъ автономная община,—безпримѣрное государство въ государствѣ. Исполнительные напримѣръ органы мѣстной администраціи были настолько далеки отъ прозрѣнія истинной сути совершавшихся въ 1886 году въ духоборьѣ событіи, что, по собственному отзыву одного изъ дѣйствовавшихъ тогда въ Горѣломъ приставовъ, администрація давала Веригину совѣты вступать въ управленіе «потіше», безъ лишней огласки, и безъ притязаній въ отношеніи «столповъ» противной партіи (Зубкова и Губановыхъ) и проч. Дѣйствія старшины Зубкова по неутвержденію по формѣ законно составленнаго приговора духоборческаго общества объ избраніи послѣднимъ Веригина управляющимъ Сиротскимъ домомъ, найдены были тогда незаконными и со стороны Губернскаго Тифлискаго Правленія, и старшину Зубкова за самоуправство въ отношеніи Веригина и его партіи и за превышеніе власти губернаторъ (Зиссеманъ) призналъ подлежащимъ суду.

Такими же непонятными для низшей администраціи явленіями долгое время были и всѣ послѣдующіе эпизоды борьбы партій изъ за Веригина, какъ главы секты, воспріявшаго «святость и право на престолъ» духоборческаій, по мнѣнію однихъ—въ силу происхожденія, въ качествѣ побочнаго сына Петра Калмыкова (о чемъ отецъ Веригина лично свидѣтельствовалъ самому Елисаветпольскому губернатору князю Глокашидзе),—по понятіямъ другихъ—право это перешло къ Веригину, въ силу особой близости «Петруши» къ Лукерья, хотя-бы въ качествѣ ея «побочнаго мужа». «Вѣдь «Лукерья сама не изъ рода священной династіи, а однако, чрезъ «мужа Петра Калмыкова, сдѣлалась «богоподобною», такъ точно «и Петруша, котораго она на то и взяла, затѣмъ и держала при «себѣ, чтобы пріучить къ управленію и передать ему престолъ,— «а между тѣмъ правительство вмѣшалось «въ нашу внутренность», «стало на сторону богатыхъ жидовъ (Горѣльцевъ), предавшихъ отечество; мы бы и доселѣ платили исправно «подати» и никого не «безпокоили, жили-бы себѣ какъ прежде, когда насъ никто не трогаѣлъ»,—откровенно говорятъ нынѣ духоборцы Веригинской партіи. «За что Петрушу правительство сослало? Развѣ онъ убійца? И онъ

такой-же вождь нашъ, какъ была и Лукерья Васильевна; ее всѣ власти почитали... У всякаго народа есть свои «вожаки», почему же правительство не трогаетъ и армянскаго католикоса... Правительство разорило вмѣстѣ съ тѣмъ и нашу «духовность» «душевность», — (разумѣя Сиротскій домъ)—отдавъ его халдею (Губанову)... У васъ также есть своя «святость»—лавра, напимѣръ, въ Кіевѣ,—такъ и у насъ «сиротскій домъ»... Вы туда жертвуете, и мы въ свой Сіонъ жертвовали; у васъ настоятель въ лаврѣ—митрополитъ, а вѣдь послѣ его смерти, роднымъ покойника не отдаете лаврское добро, а наше отдали» и проч. Такъ иллюстрировали намъ въ бесѣдахъ духоборцы своихъ вождей и учрежденія... «Наша Душа бывало слово скажетъ, и дѣло рѣшено, а ваше правительство одинъ разъ такъ рѣшаетъ, а въ другой иначе» (относительно Сиротскаго дома).

V. Періодъ четвертый и взглядъ на событія въ это время происшедшія въ нѣдрахъ секты.

Обращаясь за симъ къ оцѣнкѣ событій, совершившихся въ четвертый періодъ (съ 1886—96 г.) жизни духоборческой секты, нельзя не отмѣтить, что подавляющее большинство духоборчества, не будучи и ранѣе связано должными чувствами вѣрнопопданнѣхъ съ Царскимъ правительствомъ, въ этотъ періодъ внутреннихъ междуусобиць, силою обстоятельствъ, рѣшительно—оттолкнулось и возненавидѣло со всею силою фанатизма правительственную власть и потому съ охотою безъ оглядки ринулось въ омутъ анархической пропаганды, случайно проявившейся среди сектантовъ въ послѣдніе годы (съ 1891—96 г.).

Восьмилѣтнія разорительныя скитанія по судамъ изъ за Сиротскаго дома, безъ всякихъ понятій о сложной процедурѣ судебной тяжбы,—сто тысячные расходы съ той и другой стороны на адвокатовъ, которые, по выраженію духоборовъ «подправляли дѣло»,—еще большее разореніе на содержаніе роскошнаго Петруши въ ссылкѣ, куда ему доселѣ посылаются не только деньги тысячами, но и лошади (между прочимъ бѣлый конь, съ котораго снята карточка и хранится у нѣкоторыхъ духоборовъ),—есть даже указанія, что услужливые поклонники Петруши отправляли для удовольствія безпутнаго своего «вожака» и невинныхъ дѣвушекъ—духоборокъ. Большія издержки Веригинская партія понесла также и

на посылку къ Веригину въ Архангельскъ и Сибирь многочисленныхъ (до 20) «ходаковъ и вѣстниковъ», принимая на свой счетъ всѣ расходы по этой статьѣ (въ томъ числѣ и по приобрѣтенію отъ уѣзднаго начальства запрещенныхъ губернаторомъ къ выдачѣ паспортовъ, отъ 200 до 500 руб.) *).

Высланнымъ административно старичкамъ духоборы тоже посылаютъ деньги. Послѣ судебного рѣшенія о присужденіи династическаго капитала Калмыкова въ пользу Губановыхъ, Веригинская партія сейчасъ-же начала производить сборы денегъ для составленія, въ противовѣсъ Горѣловской, особаго капитала—и образовалось 108 тысячъ «изъ половинокъ», т. е. каждый по совѣсти давалъ половину наличной суммы на образованіе общественнаго «столба» партіи. Далѣе послѣ проигрыша дѣла въ Судебной Палатѣ о постройкахъ Сиротскаго дома, не теряя надежды на освобожденіе Петруши, Веригинская партія выстроила за общественный счетъ въ Карской области, на усадьбѣ отца Веригина въ с. Терпѣннѣ, свой обширный домъ сиротскій (стоимостью до 8 тысячъ), въ которомъ нынѣ собираются мѣстные духоборы для моленія.

Подобныя непродуцирующія затраты въ теченіе 8-ми лѣтъ, потрясшія въ корнѣ благосостояніе большой партіи, при постоянныхъ душевныхъ волненіяхъ и при массѣ легендарныхъ толковъ, обращавшихся въ темной толпѣ, при отсутствіи твердаго отрезвляющаго и руководствующаго воздѣйствія властей, безъ вразумленія коснѣющихъ въ вѣковомъ заблужденіи со стороны православной миссіи, потерявшей въ этотъ періодъ историческаго переворота въ жизни секты важный моментъ,—духоборы-веригинцы, предоставленные сами себѣ, озлобленные до безумія, экзальтированные до неистовства, представляли собою чрезвычайно удобную почву для всякой враждебной правительству пропаганды, какая и явилась, въ лицѣ толстовцевъ, административно поселенныхъ въ Закавказь и пріютившихся въ этой странѣ свободы добровольцевъ отъ нихъ. Толстовщина совершенно выбила изъ колеи духоборческую массу большой Веригинской партіи и послужила источникомъ позднѣйшихъ беспорядковъ анархическаго характера.

*) Въ этомъ отношеніи навѣты духоборовъ-постниковъ на администрацію идутъ слишкомъ далеко. Такъ въ протоколѣ показаній одного духобора жандармскому офицеру Астафьеву записано, что будто-бы дано за одно духоборческое дѣло чиновнику Наденову 1000 руб. для Елисаветпольскаго губернатора въ счетъ требуемыхъ 3000 руб.

Необходимо замѣтить, что отдѣльные случаи пассивнаго сопротивленія требованіямъ должностныхъ лицъ въ духоборьѣ имѣли мѣсто еще и въ началѣ раскола. Такъ, напримѣръ, жители села Троицкаго въ 1887 году не хотѣли давать фуража для воинскихъ частей, вызванныхъ въ духоборье, для охраны сиротскаго дома Губанова отъ предполагавшагося нападенія Веригинской партіи. Но во всякомъ случаѣ до 1893—95 года духоборы держали себя въ отношеніи правительства и исполненія всѣхъ законныхъ требованій его легально, объ открытой анархической пропагандѣ ничего слышно не было. Не замѣчалось переимѣны также ни въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, ни въ образѣ жизни сектантовъ большой партіи, ни въ богослужебномъ культѣ: веригинцы были тѣми же духоборами, какъ и горѣловцы.

VI. Пропаганда толстовщины среди духоборь и печальныя явленія и событія 1893—96 годовъ.

По моему крайнему убѣжденію, произшедшій въ послѣдніе два года среди духоборцевъ Закавказья новый расколъ, раздѣлившій большую Веригинскую партію на секту «постниковъ» (вегетаріанцевъ) и «скоромниковъ» или «мясниковъ»—есть ни что иное, какъ толстовщина на духоборческой почвѣ, до мелочей принятая, и притомъ въ худшихъ и крайнихъ ея воззрѣніяхъ. Всѣ анархическія проявленія въ поведеніи постниковъ, а равно и странныя, уродливыя поступки въ образѣ жизни этихъ духоборовъ—явные плоды пропаганды того же ученія.

Произведенное мною изслѣдованіе даннаго вопроса привело меня къ слѣдующимъ выводамъ. Общеніе послѣдователей графа Толстаго съ духоборами завязалось съ 1891 года, когда былъ поселенъ Кавказскою администраціею въ духоборческомъ селѣ Башкичетѣ административно-высланный за религіозно-соціалистическую пропаганду, среди крестьянъ села Павловки Харьковской губерніи, князь Д. А. Хилковъ, а также дворянинъ Бодянской—ярые толстовцы. Князь Хилковъ тогда же обратилъ вниманіе на духоборческую секту и началъ изучать ея религіозныя и моральныя воззрѣнія, собирать псалмы и письменно работать надъ этимъ дѣломъ. Онъ дружески сошелся съ мѣстнымъ населеніемъ, благодаря леченію духоборцевъ, пчеловодству и сельско-хозяйственнымъ рабо-

тамъ совмѣстно съ ними. Записавъ исповѣданіе вѣры духоборческой и нашедши его крайне извращеннымъ, а религиозное сознание духоборцевъ и нравственное поведеніе низко упавшимъ,—Хилковъ и Бодянской принялись за исправленіе духоборческаго катехизиса и издали его въ новой исправленной редакціи, подъ названіемъ «Исповѣдная пѣснь христіанина». Авторы, примѣняясь къ прежней духоборческой формѣ изложенія и распорядку вопросовъ, ввели въ духоборческой символъ свое толстовское толкованіе религиозныхъ истинъ и внесли рядъ новыхъ социальнo-политическихъ вопросовъ, на которые отвѣты даны въ духѣ чистой анархіи *). Этотъ же катехизисъ предназначенъ и для пропаганды среди закавказскихъ молоканъ и называется потому «духоборомолоканскимъ символомъ».

Одинъ изъ отобранныхъ при обыскѣ у толстовцевъ экземпляровъ катехизиса (онъ хранится нынѣ въ архивѣ Главнoначальствующаго) исправленъ собственноручно Бодянскимъ. «Исповѣдная пѣснь» была издана во многихъ экземплярахъ на Ремингтонѣ въ колоніи Орпиры у поднадзорнаго Бодянскаго толстовцемъ Митрофаномъ Алехинимъ. Есть основаніе думать, что изданія эти были во множествѣ распространены среди духоборцевъ и другихъ сектантовъ южной Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ толстовцы раздавали духоборамъ изданія фирмы «Посредника»; ходили также по рукамъ болѣе видныхъ и развитыхъ духоборъ и подлинныя сочиненія графа Толстаго, каковы напримѣръ «Евангеліе» и «Царствіе Божіе внутри васъ». Первое при обыскѣ отобрано у духобора Василя Веригина, а о распространеніи второго свидѣтельствовали многіе духоборы (Воробьевъ). При собесѣдованіяхъ со мною и преподавателемъ **) Добронравовымъ, вожаки-духоборы не только близко по мысли, но и по выраженію отвѣчали намъ по катехизису («Исповѣдная пѣснь») и по книгѣ «Царствіе Божіе». Распространеніе толстовскаго лжеученія, помимо книжной пропаганды, велось главнымъ образомъ путемъ устной проповѣди. Для этой цѣли вмѣстѣ съ Хилковымъ въ Башкичетѣ проживали толстовцы—Сум-

*) Таковы, напримѣръ, вопросы: «есть-ли у васъ царь»—съ отвѣтомъ: «у насъ царь—Богъ Отецъ, а управитель—Христосъ Спаситель». Признаете-ли вы власти человѣческія? Нужны-ли законы гражданскіе? и проч.

**) Тифлисской семинаріи. Г. Добронравовъ командированъ былъ высокопресвященнымъ Экзархомъ для содѣйствія мнѣ, а вмѣстѣ и изученія миссіонерскаго духоборческаго дѣла.

ской мѣщанинъ Прокопенко и студентъ Дудченко (который и нынѣ тамъ); одно время скитались въ духоборьѣ (въ качествѣ рабочихъ нанимались къ духоборамъ за 1 руб. 50 коп. въ мѣсяць), бывший студентъ университета Романовъ и крестьянинъ Харьковской губерніи Сбражъ; послѣдній имѣлъ, повидимому, задачу специально проповѣдывать противъ войны среди закавказскихъ сектантовъ и объѣзжалъ многія мѣстности.

Повидимому, дѣло толстовской эмансипаціи духоборцевъ велось систематически и организовано путемъ—сначала воздѣйствія на лицъ болѣе вліятельныхъ въ Веригинской партіи и развитыхъ, которые въ тоже время и наиболѣе другихъ чувствовали ожесточеніе противъ правительства. Къ таковымъ принадлежала прежде всего многочисленная родня ссыльнаго главы партіи Петра Веригина и его сообщниковъ. Съ братомъ Петра Веригина, Василиемъ, князь Хилковъ имѣлъ денежные счеты, какъ это видно изъ письма перваго къ послѣднему; съ ново-собращеннымъ въ толстовщину княземъ Дидіани тотъ же духоборъ, ярый анархистъ, находился въ перепискѣ, когда послѣдній состоялъ еще на службѣ у главноначальствующаго.

Не имѣя, какъ поднадзорный, большой свободы для разъѣздовъ по сектантскимъ селеніямъ, князь Хилковъ часто принималъ у себя въ Башкичетахъ духоборъ другихъ пунктовъ и велъ съ ними бесѣды, такъ что всё, можно сказать, духоборы знаютъ князя и рѣдко кто изъ наиболѣе активныхъ дѣятелей послѣдняго періода жизни духоборья не посѣтилъ «милаго человѣка» князя «Димитрія», какъ называютъ его духоборы. По отзыву самихъ духоборъ, князь Хилковъ велъ съ ними бесѣды противъ войны, о захватѣ богатыми земли, о равенствѣ всѣхъ людей и проч. Читались здѣсь и «умныя книжки», которыми и надѣлялись посѣтители на домъ.

Такимъ образомъ познакомившись съ идеями толстовщины отъ кавказскихъ интеллигентныхъ послѣдователей этого движенія, главнѣйшіе агитаторы нынѣшней постнической партіи, прежде чѣмъ начать открыто проповѣдь новаго ученія, путешествовали въ центральную Россію и въ Архангельскъ къ Веригину, по видимому, за совѣтами; по пути они по нѣскольکو мѣсяцевъ проживали въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ кругу послѣдователей графа Толстаго; въ Москвѣ они познакомились и съ самимъ графомъ Толстымъ,—все это подтверждается конфискованною перепискою. Хотя о нынѣшнихъ мировоззрѣніяхъ Петра Веригина и образѣ его по-

веденія свѣдѣній официальныхъ мы не нашли нигдѣ въ центральныхъ административныхъ учрежденіяхъ, но въ настоящее время можно съ увѣренностью сказать, что предусмотрительные толстовцы, чтобы обезпечить успѣхъ своей пропаганды среди толпы духовоборь, покорныхъ авторитету сосланнаго вождя, своевременно направили свою пропаганду въ Шенкурскъ и совратили въ толстовщину Петра, котораго ходоки видали за чтеніемъ книгъ графа Л. Н. Толстаго. Послѣдній въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ, «что ему удалось войти въ сношеніе съ Петромъ Веригинымъ и видѣть его брата и друга»... «Люди эти,—пишетъ восхищенный графъ,—имѣютъ внѣшность необыкновенно образованныхъ (?) людей, они одѣты по-европейски, вѣжливы, торжественны въ пріемахъ. Веригинъ, человѣкъ глубоко-религіозный» и т. д. Изъ той же переписки видно, что графъ Толстой еще въ 1892 году велъ о духовоборцахъ переписку съ княземъ Хилковымъ, по поводу неутѣшительныхъ наблюденій послѣдняго надъ нравственною жизнію сектантовъ. Толстовецъ Алексѣй Семеновъ находился въ Москвѣ въ пересыльной тюрьмѣ вмѣстѣ съ Петромъ Веригинымъ, когда послѣдняго препровождали въ Сибирь, и, какъ пишетъ онъ своимъ друзьямъ, — много бесѣдовалъ съ главою духовоборь, причемъ Семеновъ занесъ въ дневникъ содержаніе этихъ бесѣдъ. Изъ дневника нельзя не видѣть, что Петръ еще въ Шенкурскѣ сдѣлался послѣдователемъ ученія Толстова; характеризуется Веригинъ въ дневникѣ «умнымъ, даровитымъ, образованнымъ и энергичнымъ»... Интересное находится въ дневникѣ сообщеніе, что въ Шенкурскѣ у Веригина будто-бы всѣ ссыльные, а равно и бѣдные дѣти городскаго училища ежедневно имѣли столъ и широкую помощь. Торжественное аутодафе оружія духовборцами произведено по инициативѣ Петра: онъ будто-бы послалъ въ духовборье, въ мѣста ссылки чрезъ своихъ агентовъ, свое дорогое и любимое оружіе (Веригинъ былъ страстный охотникъ), къ которому прикрѣпилъ печатью письмо съ наказомъ сжечь его ружье вмѣстѣ съ другими и дать обѣщаніе во всю жизнь никого не убивать и не воевать.

Такимъ образомъ совращеніе въ толстовщину Петра Веригина и его ближайшихъ клеветовъ—Конкина, братьевъ Василя и Ивана, Верещагина, Худякова, Обѣдкава и другихъ вожаковъ постнической партіи, послѣдовало также въ періодъ времени отъ 1892—94 года. Послѣ полуторогодоваго странствованія по Россіи, и будто и по Сибири, въ концѣ 1893 года вернулся упомянутый

Конкинъ, въ духоборье яримъ и хорошо подготовленнымъ толстовцемъ, съ выработанною программю дѣйствій. Конкинъ повелъ открытую проповѣдь толстовскихъ идей среди массы тотчасъ же по возвращеніи своемъ и требовалъ подчиненія воззрѣніямъ отъ имени повелителя Петра, при этомъ внушалъ темной массѣ, что ученіе это не новое, а исконное духоборческое, но лишь забытое за суетою мірскою и грѣховностію, въ которыя впади духоборы. Конкинъ проповѣдывалъ съ необычайнымъ фанатизмомъ, какъ вѣрующій толстовецъ, обливался слезами во время проповѣдей. Явился на родину Конкинъ преобразившимся совершенно и по внѣшнему виду. Вопреки духоборческому обычаю онъ отпустилъ длинные по плечамъ волосы, на подобіе блаженной памяти косматыхъ социалистовъ, костюмъ его былъ тоже иной (духоборы всѣ коротко стриженные и бритые, и носятъ свой традиціонный синяго цвѣта костюмъ). Не уступали Конкину въ усердіи проповѣдывать толстовщину и Объядковъ, братья Веригины, Верещагины, Новокшеновы и другіе.

Агитаторы объѣзжали всѣ духоборческія селенія Тифлисской, Елисаветпольской и Карсской губерній, гдѣ ежедневно устраивали богомоленія, послѣ которыхъ велись продолжительныя увѣщанія и проповѣдь новыхъ, хотя во многомъ сродныхъ, а во многомъ и прямо пріятныхъ духоборцамъ воззрѣній, особенно въ томъ, что шло противъ ненавистнаго правительства. Читались письма и наказы якобы отъ Петра, устная проповѣдь подкрѣплялась чтеніемъ новаго завѣта *) и книгъ Толстовскихъ: «вычитывали въ смыслѣхъ», какъ выражаются духоборы. Проповѣдники проживали по недѣлямъ въ каждомъ селѣ, непрерывно по утрамъ, днемъ и вечеромъ собирались для молитвъ и бесѣдъ. Назойливая, настойчивая и экзальтированная проповѣдь эта повергла въ ужасъ темное духоборье, поразила какъ громъ, породила въ суевѣрной массѣ цѣлый рядъ легендъ о наступленіи послѣднихъ временъ, о новомъ царствѣ, гдѣ будетъ «пища неистощимая, рубахи неизносимыя», въ царство это скоро введетъ ихъ Петруша, явившійся на бѣломъ конѣ. Возражать и критиковать новыя идеи некогда было, ибо событія—одно за другимъ—шли быстро и притомъ никто не смѣлъ возражать, такъ какъ новое ученіе толпѣ выдавалось какъ заповѣди сосланнаго злопострадавшаго отъ незаконнаго правитель-

*) Достойно вниманія, что духоборы одинаково съ толстовцами, отдають предпочтеніе только евангелію.

ства вождя этого учения. Въ Славянку прїѣзжалъ разъ къ Конкину князь Хилковъ, въ самый разгаръ его проповѣди, пробылъ недолго, дня два, но по цѣлымъ суткамъ, схватившись рука съ рукою съ Конкинымъ, ходили по степямъ, оживленно бесѣдуя.

Фанатическая одушевленная проповѣдь новаго лжеученія, преподаваемая «послѣднимъ ангеломъ» (Конкинъ) воплотившагося ихъ Бога—Петра, съ неимоверною быстротою завладѣла умами и сердцами духоборовъ, которые ринулись стадно въ омутъ новаго ученія, подобно тому, какъ въ ночную пору бабочки кидаются на зажженную свѣчу и здѣсь же погибають. Нельзя однако не замѣтить, что пропаганда велась съ хитрою постепенностью, отправляясь отъ болѣе знакомыхъ духоборцамъ коммунистическихъ началъ. Сначала стали заводиться артельные мастерскія—кузницы швальни и др., затѣмъ артельная же запашка и уборка полей, далѣе послѣдовало запрещеніе заниматься извознымъ промысломъ и торговлею, бабамъ запрещено ходить въ лавку, мужикамъ въ кабакъ, наниматься въ услуженіе и имѣть у себя слугъ.

Потомъ рѣшено было, что не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ въ духоборьи и потому надо внести всѣ долги за членовъ Веригинской большой партіи, что и сдѣлано было съ общаго согласія и изъ общиннаго (половиночнаго) капитала. Далѣе вожаки потребовали продать весь скоть лишній и уравниять хозяйство и деньги. И рѣшено было, но уже не единодушнымъ большинствомъ—оставить лишь дойный скоть и рабочій, послѣдній въ количествѣ потребномъ для прокормленія семьи и производства работъ и примѣнительно къ числу душъ дома; вырученныя деньги внесены были въ общую кассу.

Съ этого момента начались уже протесты болѣе со стороны зажиточныхъ и здравомыслящихъ и послѣдовало выдѣленіе второй партіи, въ составъ которой стали постепенно входить болѣе благоразумныя лица, увидавшія, наконецъ, все безуміе коммунистическихъ затѣй новой неслыханной пропаганды. Особенно оттолкнула заповѣдь объ уравниеніи денежныхъ средствъ и о неимѣнннн ничего своего. Нѣкоторые, не рѣшаясь выложить все свое имущество, кровію, потомъ и многими годами нажитое, предлагали по 3—2 тысячи внести въ общую кассу, но бунтари требовали непремѣнно все и немедленно выложить на столъ, а непокорявшимся предлагали тутъ же выйти изъ состава партіи, говоря: «вы не наши братья», причемъ единомышленникамъ при-

казывалось прекратить съ протестантами всякое общеніе. Большинство покорилось. Нѣкоторые имѣли тысячи и сотни головъ мелкаго и рогатаго скота, но должны были во имя идей дерзкихъ коммунистовъ лишиться всего въ нѣсколько дней. Иванъ Конкинъ съ лихорадочною торопливостью спѣшилъ въ этомъ отношеніи разорить своихъ духоборцевъ, онъ какъ бы боялся, чтобы послѣдователи его не одумались и не остановились на полдорогѣ: онъ понималъ, что покончивъ съ имуществомъ, наживою, хозяйствомъ, духоборы-материалисты далѣе уже пойдутъ на все, хотя бы на смерть... Продажа скота производилась коммунистическимъ манеромъ: сгоняли домохозяева въ одно стадо баранту, приставляли «опекунровъ», которымъ вмѣнялось въ обязанность въ теченіе нѣсколькихъ назначенныхъ дней (3—5) распродать скотъ за чтобы ни пришлось. Дорогіе тонкорунные бараны шли за безцѣнокъ,— по 2—3 руб. пара. Вырученныя деньги помѣщались въ общую кассу. Взносы денежные записывались въ общій счетъ и затѣмъ раздѣлялись поровну каждой семьѣ, по числу душъ. Кто далъ 2 р. и кто двѣ тысячи пользовались равными паями. Въ нѣкоторыхъ общинахъ образовавшеюся коммунистическою кассою завѣдуютъ попечители и снабжаютъ членовъ, когда кому на что понадобится, на руки же не выдаютъ пай.

Тогда же поотказались духоборы-арендаторы отъ съемныхъ земель, рѣшивъ обрабатывать столько, сколько нужно для прокормленія семьи (характерный толстовскій принципъ).

Но вотъ Конкина выслали, но начатое имъ дѣло пропаганды не пріостановилось; его усердно продолжали другіе, особенно же Василій Веригинъ. Послѣдній, объѣзжая селенія, собиралъ духоборовъ и читалъ имъ уже письма Конкина, въ которыхъ предписывались все новыя и новыя правила о томъ, что надо бросить мясо ѣсть, по заповѣди «не убей», прекратить брачное сожитіе— чтобы убить плодъ и прекратить родъ (Крейцера Соната), ибо наступаютъ времена, когда не женятся и не выходятъ замужъ,— требовалось бросить службу двумъ господамъ, а служить одному Богу, т. е. не повиноваться начальству и не дѣлаться «рабами челоуѣковъ», отказаться отъ взноса податей,— сначала мелкихъ,—напр. на сельскую администрацію, не исполнять подводной повинности, а далѣе уже и не вносить подушныхъ и поземельныхъ налоговъ, ибо земля—Божія, и наконецъ не давать рекрутовъ, ибо война—зло и убійство. Все это подкрѣплялось неслышаннымъ ранѣе духобо-

рами и отвергнутымъ ученіемъ св. евангелія, которое теперь появилось уже у всякаго грамотнаго духобора постнической партіи.

Естественно, изложенныя жестокія заповѣди не могли быть приняты массою съ легкимъ сердцемъ, безъ коренной ломки семейной и бытовой жизни духоборца, безъ трагическаго потрясенія всѣхъ основъ секты.

Были указанія, что для объединенія въ дѣйствіяхъ представители общины устраивали съѣзды въ Тифлисѣ, при участіи толстовцевъ, чѣмъ и объясняется удивительная солидарность во всемъ духоборьѣ, разъединенномъ между собою пространственно. Съ 8 Ноября 1894 г. въ одинъ день во всѣхъ духоборческихъ селеніяхъ Закавказья послѣдователи новаго ученія, какъ одинъ человекъ, прекратили употребленіе мясной и рыбной пищи, чаепитіе, водкопитіе, куреніе табаку и сожитіе съ женами. Послѣдняя заповѣдь и вегетаріанство отразились страшнымъ потрясеніемъ семьи: отецъ возсталъ на сына, дѣти на родителей, жены на мужей и наоборотъ.

Фанатизмъ и экзальтація постниковъ дошли до невѣроятной степени: «постники» перестали кланяться съ членами своей же партіи, если которые ѣли мясо, плевали въ слѣдъ подобныхъ, жены скрывались отъ мужей, оставляя ихъ безпомощными съ грудными дѣтьми. Происходили потрясающія сцены совершавшейся въ духоборьѣ трагедіи. Мѣстная администрація, въ силу широко на Кавказѣ практикуемаго принципа невмѣшательства во внутреннюю жизнь сектантства, на основаніи едва ли основательнаго толкованія закона 1883 г. 3 Мая, предоставила духоборь самимъ себѣ, что сектанты приняли за безсиліе власти. Фанатизмъ постниковъ дошелъ до того, что если, напр., ребенокъ поѣсть съ отцемъ мяса,—то мать и вообще партія постниковъ тогда не приметъ уже дитяти въ себѣ въ домъ, какъ нечистаго. Беременныхъ не допускали въ моленную, а мясниковъ не хоронили на одномъ кладбищѣ. Были случаи, что постники не допустили въ домъ родныхъ сыновей (какъ мясниковъ) попрощаться съ умершимъ отцемъ или матерью. Если мать или отецъ не состоятъ въ постнической сектѣ и не переходятъ изъ нея въ другую,—то дѣти постники перестаютъ почитать родителей и т. д.

Всѣ женщины постнической партіи еще въ началѣ движенія распродали свои серебряныя вещи и украшенія, сняли съ кичекъ шелковые банты, мужчины—галунъ съ бешметовъ, какъ лишнюю для христіанина суету и роскошь. Одна женщина, не желая одѣваться

въ покупные ситцы, сдѣлала себѣ всю одежду изъ домашняго суроваго бѣлаго холста, но эта рьяная послѣдовательница Толстова скоро должна была отказаться отъ своего костюма, такъ какъ ее почитали за вѣдму даже туземцы.

Вотъ уже второй годъ, какъ случаевъ заключенія браковъ въ постнической партіи нѣтъ, рожденія бываютъ, но въ минимальномъ процентѣ.

Въ каждомъ селѣ есть по нѣскольку десятковъ семействъ, совершенно разбитыхъ; обыкновенно, страдающими въ этомъ движеніи болѣе являются мужья. Многие, пробившись мѣсяца два безъ хозяйки, уступаютъ фанатизму бабъ и невольно записываются въ постническую партію.

Аскетизмъ, давно уже чуждый «разжирѣвшимъ» (въ буквальномъ смыслѣ) духоборцамъ, и половое воздержаніе были, полагаемъ, приняты съ фанатизмомъ потому, что являлись естественною реакціею предшествовавшей распутной жизни сектантовъ. Особенно цѣлко ухватились за новый бракорборный принципъ въ своей семейной жизни женщины, на которыхъ тяжелымъ бременемъ ложились ранѣе, чуть не съ самаго юнаго дѣтства, замужество и многочисленное дѣтороженіе, а равно и безстыдная половая распущенность здоровыхъ мужей, хотя и сами духоборки не отставали отъ мужчинъ въ свободѣ половыхъ сношеній. Женщины, какъ болѣе вѣрующія въ божество сосланнаго Веригина, приняли всѣ воззрѣнія новаго ученія, не исключая и противоправительственныхъ и анархическихъ,—тупо, слѣпо, но съ необычайнымъ фанатизмомъ. Жена не даетъ покоя мужу, мать сыну, пока послѣдній не сдастъ ополченскаго свидѣтельства, провожая же говорить: «чтобы тебѣ не вернуться домой, пострадай, дитятко, за Христа». Объ арестованныхъ при тюрьмѣ членахъ семьи женщины съ какою то болѣзненною, экзальтированою радостью говорятъ: «ну и слава Богу, что сидятъ, они себя Христу подарили, и тутъ же прибавляютъ: «не бойтесь убивающихъ тѣло, бойтесь убивающихъ душу»... Мы теперъ заботимся объ одномъ—о душѣ».

Анархическія противоправительственныя идеи начались проповѣдываться несомнѣнно съ самаго начала новаго движенія и даже усерднѣе всѣхъ другихъ, но практическое обнаруженіе анархіи проявлялось робко, нерѣшительно, всѣ боялись послѣдствій и какъ бы выжидали твердой руки власти. Несомнѣнно, что уже въ 1894 году можно было видѣть, какой политики рѣшили держаться

духоборы постнической партіи, въ отношеніи власти. Такъ, на-
примѣръ, въ 1894 году (въ Августѣ) духоборы Елисаветпольской
губерніи имѣли уже дерзость не явиться губернатору, прибывшему
въ ихъ село, для объясненій; сдѣлали это они въ силу отрицанія
авторитета правительственной власти. Къ сожалѣнію, обстоятель-
ство это прошло для бунновъ безнаказанно, что не могло не дать
опаснаго прецедента.

Въ Юлѣ того же года духоборы той же мятежной Славянки
не захотѣли дать лошадей слѣдователю и доктору и опять по той
же причинѣ и снова прошла дерзость благополучно. Такой же от-
казъ въ поставкѣ лошадей одному офицеру имѣлъ мѣсто здѣсь же и
въ Октябрѣ того же года, были подобныя случаи и въ Карской
области, гдѣ подобное поведеніе духоборъ администраціею также
не ставилось въ серьезъ. Тогда же духоборы отказали админи-
страціи отъ исправленія дорогъ. Нельзя не отмѣтить здѣсь харак-
тернаго эпизода, какъ духоборы, будучи привлечены къ исправле-
нію дорогъ для предстоящаго слѣдованія Государыни Императрицы
Маріи Феодоровны въ одинъ монастырь, позволили себѣ дерзкія по
сему случаю сужденія и поступки. При возшествіи на престолъ
благополучно царствующаго нынѣ Государя Императора, духоборы
(Карской области) никакъ не хотѣли подписать присягу и только
по настоянію участковаго начальника рѣшились на подпись подѣ
условіемъ, что будутъ вычеркнуты изъ присяги слова «до послѣд-
ней капли крови служить Царю и отечеству», на что начальство
согласилось, уступая дерзости. Никто изъ духоборовъ (Карской
области) постнической партіи не захотѣлъ ни копѣйки пожертвовать
по пригласительному листу на памятникъ въ Бозѣ почившему Го-
сударю Императору Александру III-му. Но и эта демонстрація не
принята была, по видимому, во вниманіе.

Въ началѣ 1895 года, на одномъ изъ волостныхъ scho-
довъ, Веригинцы-постники заявили старшинѣ правительственному,
что списка по воинской повинности составлять не надо, такъ какъ
они рѣшили не признавать болѣе Царя и властей, и воинской по-
винности отбывать не будутъ; но власти и тутъ думали, что смир-
ные, тихіе духоборы шутятъ. Въ томъ же году избранный въ стар-
шины духоборъ, Поповъ, не захотѣлъ принимать дѣлъ волости и
заявилъ, что «неправедному кесарю» служить не будетъ, подписки
дать въ принятіи дѣлъ не можетъ, и, надо сказать, теперь никто
изъ духоборъ постниковъ никакихъ подписокъ властямъ не даетъ.

Царскіе портреты духовоборы-постники повывнесли всё изъ своихъ домовъ. Въ силу отрицанія власти и признанія общаго равенства всѣхъ людей на землѣ, духовоборы при встрѣчѣ съ должностными лицами давно перестали кланяться и титуловать начальство, называя послѣднее просто «господинъ или почтенный».

Въ ночь на 29 Іюня духовоборцы постники всѣхъ трехъ губерній заранѣе условились сжечь всё находящіяся у нихъ въ домахъ виды и формы оружія и произнести торжественное отреченіе отъ убійства, войны и воинской повинности, послѣ чего должна была начаться сдача ополченскихъ свидѣтельствъ и выходъ изъ рядовъ войскъ всѣхъ остальныхъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ солдатъ. Послѣднихъ заранѣе вожаки увѣщевали, и нѣкоторые изъ солдатъ духовоборъ сложили оружіе еще весною 1895 г.

Таинственная, секретная подготовка къ обряду торжественнаго сожженія оружія, страшно разожгла фантазію темной обезумѣвшей массы, породила массу суевѣрныхъ толковъ и навела панику на все духовоборье. Среди женщинъ ходили нелѣпыя толки, что Кавказъ сгоритъ, что будетъ новое небо и грѣшная земля обновится, что Петруша появится на облакахъ, опустится на землю и будетъ возсѣдать среди трехъ царей и судить невѣрныхъ, а для нихъ начнется съ 29-го Іюня царствіе Божіе и благодатная райская жизнь на землѣ.

Ахалкалакскіе духовоборцы запаслись бочками керосину, нѣсколькими пудами буры,—чтобы при посредствѣ ея лучше расплавились металлы отъ многихъ сотенъ сожженнаго оружія и слились въ одинъ комъ, который будетъ служить монументомъ на память потомству о геройскихъ подвигахъ отречшихся отъ войны храбрцовъ. Елисаветпольскіе постники къ тому же времени устроили въ память своего обновленія нѣсколько водопроводовъ и водоразборныхъ колодцевъ, стоящихъ нѣсколько тысячъ.

Сожженіе оружія совершенно было съ большою торжественностью. Горѣли ночью на горахъ (часовъ 11—12) облитыя керосиномъ кучи хвороста съ положеннымъ на него оружіемъ. Далекъ видно было это зарево и въ тишинѣ ночной разносились громкій трескъ и выстрѣлы отъ заряженныхъ ружей и револьверовъ. Духоборы—постники, собравшись тысячами отъ мала до велика къ мѣсту сожженія оружія, въ праздничныхъ одеждахъ, стояли внизу горы, читали и пѣли псалмы всю ночь и совершали свою «литургію». Въ Карской области послѣ сожженія оружія фанатическая толпа болѣе сутокъ

пробывала безъ пищи и въ молитвѣ, ожидая какихъ то особыхъ чрезвычайныхъ явленій. Тоже и въ Елисаветпольской губерніи, гдѣ духоборы постники долго ждали чрезвычайныхъ явленій, вродѣ свѣта представленія; ложась спать, фанатики клали подъ подушку чистое бѣлье, въ ожиданіи внезапной кончины вѣка.

Торжественно таинственное приготовленіе къ событію 29-го Іюня породило вездѣ въ противной партіи страшную панику, въ Ахалкалакскомъ же уѣздѣ среди духоборъ Горѣльцевъ разнесся слухъ, что духоборы-постники хотятъ сдѣлать нападеніе на домъ Сиротскій.

Толки эти послужили основаніемъ къ тревожному донесенію уѣзднаго начальства Тифлисскому Губернатору о готовящихся безпорядкахъ въ духоборѣ и къ вызову послѣднимъ въ духоборье казачьей сотни.

Прошедшіе въ Ахалкалакскомъ духоборѣ безпорядки, при встрѣчѣ и объясненіяхъ струною казаками съ моленія у 'священной пещеры нафанатизированной тысячной толпы, при участіи женщинъ и дѣтей, съ Его Сіятельствомъ княземъ Шарвашидзе, были крайне остраго анархическаго характера и можно только пожалѣть, что губернаторъ избралъ этотъ неподходящій моментъ для непосредственнаго своего воздѣйствія на обезумѣвшую толпу.

Результатомъ этихъ безпорядковъ было выселеніе послѣдователей постнической партіи по туземнымъ селамъ губерніи. Нужно сказать, что не знай князь губернаторъ духоборъ ранѣе съ самой пріятной стороны, ему трудно было бы воздержаться, чтобы не пустить въ дѣло оружіе и не перебить безумцевъ во время Ахалкалакскихъ безпорядковъ,—такъ дерзко попиралась здѣсь власть правительственная.

Послѣ событій 29-го Іюня во всемъ духоборѣ ополченцы начали производить сдачу свидѣтельствъ, за что и были привлечены къ отвѣтственности, по дѣлу, производящемуся въ административно-судебномъ порядкѣ, о составленіи духоборами противоправительственнаго преступнаго сообщества. Во время моего обслѣдованія духоборья, въ тюрьмахъ Елисаветпольской и Карской находились подъ арестомъ нѣсколько сотъ послѣдователей секты, въ томъ числѣ и главные пропагандисты и агитаторы новаго анархическаго ученія,—братья Веригины, Верещагинъ и другіе. Тюремныя заповолены и занимаются для арестованныхъ частныя помѣщенія. Ведутъ себя духоборы подъ стражею смиренно, но крайне фанатично: казенной пищи ѣсть не хотятъ—кромѣ хлѣба, покупаютъ на свой счетъ овощи пудами и тѣмъ питаются.

VII. Характеристика нынѣшняго состоянія духовоборческихъ партій. Горѣльская или первая партія.

Обращаясь за симъ къ общей характеристикѣ духовоборческихъ партій, мы должны сказать, что ни одна изъ нихъ не представляетъ надежнаго элемента въ государственномъ смыслѣ, болѣе же всего опасною и крайне вредною является, разумѣется, третья анархическая партія постниковъ.

Первая партія представляетъ собою старое, оставшееся безъ пережитаго въ истекшій годъ потрясенія духовоборчество, со всеми его типичными исторически выработанными чертами характера и уклада общинной и бытовой жизни, съ тѣми же традиционными взглядами и отношеніями къ правительственной власти и общерусской жизни. Члены этой партіи также лукавы, скрытны, внешне льстивы и покорны.

Къ правительству они болѣе другихъ партій относятся нынѣ примиримо доброжелательно и довѣрчиво, уже въ силу того одного, что партія эта сохранила подъ защитою власти и законовъ Имперіи свой духовоборческій строй и благосостояніе отъ деспотизма и произвола ненавистнаго для Горѣльцевъ узурпатора Беригина.

Вѣра въ воплощеніе Христа «въ родѣ избранныхъ, въ душахъ праведныхъ» и вѣковая привычка жить и мыслить подъ главенствомъ «богоподобнаго вождя», несомнѣнно существуетъ и крѣпка и нынѣ еще въ членахъ этой партіи. Не имѣя въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, въ традиціонномъ духовоборческомъ смыслѣ, главы своей секты, масса живо чувствуетъ этотъ существенный дефектъ въ своей нынѣшней политической жизни и чувствуетъ нѣкоторое потрясеніе главнѣйшей изъ основъ своей жизни. Верховодятъ нынѣ Зубковъ и Губановъ, но они не то, что традиціонный бывшій глава духовоборья, не вправѣ они и занять то исключительное положеніе, на которомъ стояли «обожаемые» члены прекратившейся священной династіи Калмыковыхъ, потому что на нихъ не можетъ оправдаться догматъ о воплощеніи души Христа.

Представители горѣловской партіи, люди, стоявшіе долгое время, при правленіи Лукеріи Васильевны, у власти, повидимому, склонны считать прежній политическій строй секты, относительно безграничнаго господства главы секты, уже отжившимъ свое время и они болѣе другихъ своихъ единовѣрцевъ способны помириться съ порядками общегосударственнаго строя, какъ болѣе гуманнаго

и надежнаго относительно обезпеченія имъ правъ личности собственности и вообще свободы. Давно не претерпѣвая никакихъ посягательствъ на свои личныя и имущественныя права со стороны внѣшняго міра, т. е. русскаго государства, враждебнаго имъ теперь лишь по унаслѣдованному отъ предковъ принципу, члены первой партіи, выдавшіе, благодаря близости къ Лукерѣ Васильевнѣ, многіе виды, невольно, въ силу самихъ требованій жизни, болѣе другихъ входили въ тѣсныя сношенія съ общерусскою жизнію, особенно же въ послѣдній мятежный періодъ исторіи духоборья. Это общеніе, не могло, конечно, не привести своихъ благотѣльныхъ плодовъ въ смыслѣ ослабленія замкнутости и просвѣтленія взглядовъ. И дѣйствительно, умственный кругозоръ духоборцевъ горьловской партіи значительно шире, чѣмъ въ членахъ другихъ партій; у многихъ давно уже зародились сравненія и сдѣланы умозаключенія далеко не въ пользу своего собственнаго быта (Угловъ). Въ бесѣдахъ съ горьловцами нельзя было не замѣтить, что у значительной части членовъ этой партіи развито ревнивое стремленіе къ охраненію свободы личности, совершенно ранѣе подавленной вѣковой политикой главарей, а равно своихъ личныхъ и имущественныхъ интересовъ, несомнѣнно существуетъ и забота объ обезпеченіи въ будущемъ ихъ неприкосновенности. Прежней слѣпой вѣры въ своихъ главъ теперь уже не найти вожакамъ, довѣріе къ эгоистической политикѣ которыхъ подорвано и временемъ и пережитыми событіями; прежній непогрѣшимый авторитетъ, въ глазахъ многихъ отдѣльныхъ членовъ этой партіи, трудно теперь возстановить.

Начало разложенію государственнаго строя секты положено собственно было еще со времени прекращенія мужскаго поколѣнія священной династіи (1812 г.) и допущенія женскаго управленія Лукерьи Васильевны, явившагося тогда въ силу необходимости и вопреки собственно укоренившемуся догмату о воплощеніи души Христовой въ родѣ Калмыковыхъ и въ образѣ мужчины, конечно. Послѣдняя правительница, при всемъ своемъ умѣ и тактѣ, принуждена была, какъ женщина, привлечь къ управленію цѣлый рядъ помощниковъ, черезъ что, съ одной стороны, нарушался на практикѣ деспотическій принципъ правленія, а съ другой—большое число лицъ стояло во главѣ правленія, а чрезъ нихъ и ихъ родственники и близкіе невольно утрачивали вѣру въ святость и непогрѣшимость распорядженій главы секты. Кромѣ того одно уже

раздѣленіе власти должно было способствовать поднятію между отдѣльными личностями, стоявшими у кормила правленія, ихъ личныхъ и имущественныхъ интересовъ. Нѣкоторые, болѣе открытые и прямые, совершенно искренно въ бесѣдѣ съ нами говорили: зачѣмъ намъ теперь управляющій сектой, когда святость и божественность происхожденія такового теперь сомнительны; зачѣмъ его деспотическая власть, когда духоборамъ не отъ кого нынѣ защищаться, а правительство давно къ намъ милостиво, между тѣмъ какъ новый глава можетъ разрушить благосостояніе каждаго; зачѣмъ прежняя строгая и тяжелая организація, направленная къ самозащитѣ, когда никакой опасности нѣтъ... Судя по отзывамъ этой и второй партій, уже при жизни Лукеры Калмыковой начались колебанія въ сектѣ; тогда уже появились у многихъ, въ виду роскошной и грѣшной жизни Луши, сомнѣнія въ святости правительницы и въ способности творить чудеса. Если прежняя стройность въ управленіи и поддерживалась, то лишь въ силу инертности и странной темноты массы и нежеланія второстепенныхъ главарей—ея пособниковъ—выпустить фактическую власть изъ своихъ рукъ. Но со смертію Лукеры Васильевны, при отсутствіи правоспособнаго преемника и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, возстановленіе въ этой партіи и вообще въ духоборьѣ прежняго противоправительственного строя, полагаю, теперь не легко, развѣ только во главѣ духоборья появится какой-либо энергичный особый человекъ, способный внушить къ себѣ страхъ и уваженіе или вообще поразить умы темной массы сектантовъ и снова ввести политическую жизнь секты въ прежнее ея русло. А потому нынѣ заботы правительства должны быть направлены въ отношеніи этой партіи, полагаемъ, на то собственно, чтобы не допустить реставраціи прежняго порядка вещей—этого государства въ государствѣ и не повторять ошибокъ прошлаго, иначе придется и правительству и духоборчеству расплачиваться болѣе тяжкими послѣдствіями и осложненіями, чѣмъ какія создало нынѣ духоборческое государство на Кавказской окраинѣ.

Въ интересахъ правительства является весьма желательнымъ и полезнымъ нынѣ направить весь ходъ дальнѣйшихъ событій въ духоборьѣ въ томъ направленіи, чтобы ускорить созданный, независимо отъ правительственной власти, исторією самого духоборчества процессъ разложенія духоборческаго строя.

Съ религіозной стороны горѣловская партія представляется

самою законсѣлюю; духоборы этой партіи, подобно расколу, окаменѣли въ устно переходимыхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію безграмотныхъ религіозныхъ формулахъ и заученныхъ безъ всякаго смысла понятіяхъ. Христіанскаго нынѣ въ ученіи этой секты остались лишь одни слова и названія. Эта секта слишкомъ удалилась отъ Христовой истины. При нынѣшнемъ страшно низкомъ уровнѣ религіознаго чувства и умственнаго развитія, при гордомъ самомяніи и упорствѣ духоборѣ, прямая миссія церкви съ этою сектою крайне затруднительна здѣсь и едва-ли будетъ благоплодна. Къ духоборамъ этой партіи миссія православной церкви можетъ подойти лишь при посредствѣ школьнаго образованія молодого поколѣнія.

Численность первой партіи простирается до 379 домовъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ (200 въ Тифлисской, 172 въ Елисаветпольской и 7 въ Карской).

VIII. Характеристика второй партіи.

Нынѣшняя вторая партія выдѣлилась изъ большой, называемой «писанною» или «Веригинскою». Численностью своею эта партія равносильна горѣловской; въ ней нынѣ насчитывается 370 домовъ, при чемъ всѣ почти адепты этой партіи живутъ въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, по сосѣдству съ Горѣловцами,—въ Елисаветпольской губерніи совсѣмъ нѣтъ послѣдователей этой секты, а въ Карской только незначительная часть (54 дома).

Вторая партія пережила всѣ описанныя общественныя тревоженія, невзгоды и матеріальныя потери въ послѣдніе періоды духоборческой исторіи; до половины почти 1894 года она одинаково фанатично раздѣляла всѣ крайнія воззрѣнія и судьбу своихъ братьевъ по несчастной вѣрѣ въ своего мучителя вождя Беригина.

Несомнѣнно коснулась этой партіи въ значительной мѣрѣ и толстовская пропаганда, съ ея анархическимъ противоправительственнымъ ученіемъ, отъ котораго откачнулись болѣе благоразумные и зажиточные лишь тогда, когда новое лжеученіе, выдаваемое какъ заповѣди Беригина, слишкомъ ужь явно пошло въ разрѣзъ съ традиціонными воззрѣніями и бытовыми обычаями собственно духоборчества, угрожало полнымъ разореніемъ и страшнымъ наказаніемъ со стороны правительства, бороться съ которыми вторая партія считала невозможнымъ. Новый расколъ начался съ того собственно момента, какъ замѣчено выше, когда

агитаторы Толстовскаго ученія потребовали слишкомъ тяжелой жертвы въ пользу коммуны: уравниенія имущества и распродажи скота. Во главѣ отколовшейся партіи сталъ умный развитой духовоборецъ Воробьевъ, другъ Веригина, самъ путешествовавшій къ нему въ Шенкурскъ. Представители второй партіи, сколько я могъ наблюсти, на слѣдующихъ соображеніяхъ построили свою оппозицію фанатическому увлеченію «постниковъ», оправдывавшихъ всѣ свои безумныя поступки тѣмъ, что имъ такъ предписываетъ ихъ вождь, воплотившійся Христосъ—Веригинъ, имѣющій власть распоряжаться своимъ народомъ, какъ хочетъ, а мы обязаны ему во всемъ повиноваться.

Г Веригинъ—доказывала вторая партія,—во многомъ измѣнилъ старое ученіе духовборцевъ, добавивъ къ нему много новыхъ правилъ, доселѣ духовборцамъ неизвѣстныхъ. По нашему духовборческому ученію Христосъ можетъ воплотиться только въ духовборца, а такъ какъ Веригинъ принялъ новое ученіе, то онъ уже не духовборецъ, слѣдовательно, и Христосъ не могъ въ него воплотиться; а разъ онъ не Христосъ, то и повиноваться ему не слѣдуетъ. Мысль эта, какъ совершенно съ точки зрѣнія духовборческаго ученія послѣдовательная и логичная, заставила многихъ оглянуться, одуматься и затѣмъ отдѣлиться отъ постниковъ и составить уже особую партію. Такимъ образомъ, вторая партія заняла самостоятельное положеніе, по характеру среднее между двумя крайними, а по поведенію и образу дальнѣйшихъ дѣйствій выжидательное. Что выйдетъ изъ этой партіи, предрѣшить трудно; она связана близко общностью воззрѣній и имущества съ постническою (доселѣ въ капиталѣ въ 53000 находятся и взносы Карскихъ постниковъ), а главное многострадальною въ сущности исторіею послѣднихъ разорительныхъ событій. Къ правительственной власти у второй партіи то же неуваженіе и озлобленіе, только скрытое, замаскированное, что и у постниковъ. Многіе доселѣ поддерживаютъ сношенія съ высланными односельцами; есть даже такіе, которые весною готовы раздѣлить скорбную участь расселенныхъ. Но есть въ этой партіи и сторонники Горѣловцевъ, жаждущихъ примиренія, которое уже началось тѣмъ, что члены той и другой партіи стали кланяться другъ другу. Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій есть основаніе предполагать бѣольшую возможность примиренія второй партіи съ первою, чего, сколько я могъ догадаться, желаетъ «руководитель» второй партіи—Воробьевъ. Постигшее вторую партію раз-

очарованіе относительно благонадежности Веригина примиряетъ ее съ Горьловцами и оправдываетъ ихъ поступки въ отношеніи непризнанія Веригина, какъ лица, не внушавшаго тогда имъ довѣрія. Ту и другую партію примиряетъ и исторія о догматахъ секты, по которой догматъ о возможности воплощенія Христа, есть догматъ не первоначальный, а появившійся лишь въ началѣ настоящаго вѣка и введенный Капустинымъ по эгоистичнымъ мотивамъ, слѣдовательно, духоборцы могутъ существовать и безъ «богочеловѣка» и тѣмъ не менѣ быть духоборцами. Далѣе имъ памятно и пророчество Петра Калмыкова передъ смертю о томъ, что послѣ смерти его жены Лукерьи не будетъ больше у духоборцевъ и «благодати Святаго Духа»,—послѣднее толкуется именно въ томъ смыслѣ, что воплощеніе Христа можетъ и совсѣмъ не повториться, слѣдовательно и Веригинъ не Христось, а антихристъ. Кромѣ того во вѣшнемъ своемъ поведеніи, Горьльцы хотя и отреклись отъ Веригина, но общими своими духоборческими принципами не поступились. Такъ, напримѣръ, Сиротскій домъ и капиталы, перешедшіе по опредѣленію суда Губанову, какъ наслѣдство послѣ смерти его сестры, фактически остаются и по сіе время, по примѣру прежнихъ лѣтъ, какъ бы достояніемъ общественнымъ, съ тою только разницею, что подъ опредѣленіемъ слова «общество» разумѣются пока только члены малой партіи, такъ какъ остальныхъ членовъ большой партіи, а въ особенности «постниковъ», Горьльцы за духоборцевъ не признаютъ. Такимъ образомъ, первая партія, измѣнивъ принципамъ своей духоборческой государственности, общимъ религіознымъ и общественнымъ принципамъ не измѣняетъ, а напротивъ какъ бы является поборницею ихъ и охранительницею. Такое отношеніе къ дѣлу Горьльцевъ, въ особенности при наличности зародившагося у второй партіи критическаго взгляда на главу секты, даетъ основанія надѣяться, что сліяніе обѣихъ этихъ партій осуществится снова, на почвѣ принциповъ общественныхъ и религіозныхъ, причемъ капиталъ второй партіи сольется съ Горьловскимъ, что служить новымъ побужденіемъ для обѣихъ партій скорѣе соединиться. Такимъ образомъ, половина духоборческаго населенія, и притомъ самая зажиточная, начнетъ тогда свою прежнюю жизнь, умиротворившись на своихъ насиженныхъ мѣстахъ.

Смѣемъ думать, что правительственной власти нужно здѣсь имѣть въ виду одно весьма важное обстоятельство, могущее дать объединеннымъ партіямъ снова прежній, въ сущности не тер-

пимый, строй государства въ государствѣ,—это, чтобы во главѣ духоборья не сталъ упомянутый Алексѣй Воробьевъ, который уже нынѣ пользуется громаднымъ почитаніемъ со стороны членовъ этой партіи. Вотъ именно этотъ-то человекъ и можетъ ввести духоборье въ то русло старой жизни, о чемъ мы говорили выше. Мы можемъ напередъ предрѣшать, что умный, лукавый, гордый, повывавшій объ столицы, поговорившій въ Шенкурскѣ съ ссыльными, Воробьевъ способенъ изъ духоборья сдѣлать еще болѣе вредную общину, чѣмъ она была при прежнихъ главаряхъ секты. Алеша въ сущности близокъ къ анархизму по своимъ воззрѣніямъ; главарь этотъ требуетъ за собою наблюденія и съ нимъ надо осторожно поступать, какъ съ силою, которую можно утилизировать и въ пользу правительственныхъ интересовъ, которые должны быть всецѣло направлены на то, чтобы духоборчество умиротворилось не подъ управленіемъ того или другого изъ своихъ вожаковъ, а подъ благодѣтельнымъ воздѣйствіемъ государственной власти и правительственныхъ законовъ и учрежденій. Въ интересахъ правительства скорѣе можно желать, чтобы партіи эти жили мирно, но безъ взаимнаго объединенія. Къ изложенному мы должны добавить, что вторая партія скорѣе будетъ склонна къ примиренію съ первою, при отсутствіи постнической бунтующейся партіи, которая болѣе всѣхъ въ сущности содѣйствуетъ къ разложенію духоборчества. Въ случаѣ выселенія послѣдней партіи въ новыя мѣста, вторая партія можетъ понести большой уронъ, такъ какъ много найдется охотниковъ пойти за третьею партію.

Для миссіонерскаго воздѣйствія вторая партія, потрясенная въ своихъ и социальныхъ и религиозныхъ воззрѣніяхъ, болѣе способна къ воспріятію истиннаго ученія и просвѣщенія, чѣмъ горѣловская, о чемъ могутъ свидѣтельствовать и успѣхи толстовской пропаганды. Мы склонны думать, что если бы православная миссія съ такою же ревностью и благовременностью взялась за проповѣдь и просвѣщеніе духоборья въ періодъ раскола 1886—1895 г., то и она имѣла бы успѣхъ и во всякомъ случаѣ оказала бы должный противовѣсъ толстовщинѣ, дѣйствовавшей навязчиво и свободно. Въ настоящее время членамъ второй партіи проповѣдь православной миссіи должна быть интересна уже потому, что даетъ опору ихъ чувству во внутренней борьбѣ съ толстовскими доктринами и оправданіе поведенія второй, отколовшейся отъ большой партіи, группѣ. Словомъ, почва для миссіи есть и удобная.

IX. Характеристика третьей партіи духоборовъ постниковъ или анархистовъ.

Что касается третьей партіи, послѣдователи, которой называются «постниками», то по характеру содержимыхъ этими сектантами воззрѣній чисто толстовскаго содержанія и по преступному противуправительственному образу дѣйствій, партія эта должна быть названа «толстовскою» или же «анархическою». Партію эту нужно признать особою отъ духоборчества; она представляетъ собою безпримѣрное въ исторіи нашего сектанства явленіе въ томъ отношеніи, что ни разу наши секты не выражали еще своихъ политическихъ тенденцій такъ смѣло и откровенно; и вообще на страницахъ исторіи сектанства такой образъ поведенія и воззрѣній, какого держатся постники, можно найти развѣ только въ исторіи анабаптизма XVII вѣка, когда сектанты сжигали города и силою разрушали общественный строй. Разница здѣсь лишь та, что духоборы—анархисты пока держатся пассивнаго сопротивленія. Достойно вниманія, что постники уже и не называютъ себя «духоборами», какъ искони они всѣ именовали себя, а «христіанами». Надъ умершимъ въ Казахскомъ замкѣ членомъ этой партіи, сектанты поставили памятникъ съ надписью: «здѣсь погребенъ истинный христіанинъ».

Въ религіозныхъ собственно воззрѣніяхъ этой партіи наблюдается болѣе просвѣтленный христіанскій взглядъ на догматы и исторію христіанской вѣры, чѣмъ въ старомъ духоборьѣ,—постники обнаруживали болѣе обширное знаніе и библейскихъ событій, а въ частности и болѣе вѣрное представленіе о Христѣ Спасителѣ. Всѣ грамотные постники имѣютъ евангеліе, читаютъ его и знаютъ относительно много текстовъ, что составляетъ совершенно новое явленіе среди духоборъ, въ принципѣ не признающихъ библейскихъ книгъ, у которыхъ все евангеліе, по ихъ выраженію, «начертано во душахъ, во сердцахъ». При этомъ въ толстовскомъ духоборствѣ сквозитъ пробужденная религіозная пылкость, къ сожалѣнію преступно направленная на вредную политическую сторону. Всѣ тексты заучены постниками въ тенденціозномъ подборѣ толстовскаго катехизиса и механически заучены отрывочно, безъ связи съ текстомъ, только для оправданія и обоснованія въ глазахъ массы ученіемъ Христа толстовскихъ антихристіанскихъ заповѣдей и правилъ. Центръ ученія этой секты

весь коренится въ вопросахъ соціально-политическихъ, разрѣшенныхъ на почвѣ коммуны и анархіи подѣ легкимъ прикрытіемъ религіозныхъ началъ. Преступныя политическія воззрѣнія секты сводятся къ отрицанію на землѣ власти человѣческой и, въ частности, царской власти Государя Императора, а также къ отрицанію и всѣхъ правительственныхъ учрежденій. Довозательствомъ того, что проповѣдь шла изъ одного центра и находилась въ рукахъ однихъ пропагаторовъ, служитъ то обстоятельство, между прочимъ, что въ разсужденіяхъ по симъ вопросамъ духоборы всѣ и вездѣ, какъ одинъ человекъ, слово въ слово, однообразно приводятъ одну и ту же аргументацію, которая при этомъ заимствована вожаками изъ составленнаго толстовцами вышеупомянутаго катехизиса: «Исповѣдная пѣснь изъ сочиненія гр. Толстаго—«Царствіе Божіе».

Большинство на вопросъ, признаешь ли власть Царя, отвѣчаютъ: у насъ одинъ Царь Небесный, царя земнаго мы не знаемъ и быть его не можетъ; есть Императоръ, но власть Его надъ собою мы не можемъ признать, такъ какъ сказано: «вы куплены дорогою цѣною и не дѣлайтесь рабами чуждымъ» (1 Кор. 7, 23). Всѣ дѣти одного Бога и потому равны, и Государь не старше меня и прочихъ людей, а такой же братъ. Государь учитъ убійству—войнѣ, и потому не можемъ Ему повиноваться. Мы не признаемъ никакого чуждаго правительства. Мы признаемъ только одного Царя и Законодателя, одного Судью и Правителя надъ чуждыми—Бога. Двумъ господамъ служить нельзя. Отечествомъ нашимъ признаемъ весь міръ, соотечественниками всѣхъ людей: турокъ, нѣмцевъ, армянъ, персіянъ—одинаковыхъ намъ; русскихъ мы не знаемъ, всѣ равны. Императора мы «не смѣщаемъ»; можетъ царствовать надъ тѣми, кто Его признаетъ, а мы не признаемъ Его власти. Земля Божія, а не царская, Господь сотворилъ ее для всѣхъ. Царь долженъ такъ же работать, какъ и мы, а то сидитъ да пишетъ клевету и ложь. Кесаря—только одни деньги, монеты. Были и такіе, которые открыто говорили, что Лукерья Васильевна выше вашего Царя, она убійству (войнѣ) насъ не учила. «Ваши власти незаконны, потому что дѣйствуютъ насиліемъ; дѣятельность ихъ не можетъ быть пріятна Богу, и потому Богъ власти не устанавливалъ и т. д.

Нѣкоторые же говорили скромнѣе, что мы будемъ подчиняться всѣмъ требованіямъ правительства, кромѣ тѣхъ, которыя противны закону правды Божіей, чего намъ совѣсть не запрещаетъ;

но при бесѣдѣ выяснилось, что все правительственное не приходится по совѣсти духоборцевъ.

Отрицая власть, духоборы толстовской партіи не считаютъ себя обязанными повиноваться законнымъ требованіямъ ея и оказываютъ во всемъ пассивное сопротивленіе, за исключеніемъ уплаты поземельныхъ податей, хотя, повидимому, съ весны постники прекратятъ взносъ и этихъ податей.

Самые ярые нападки со стороны постниковъ вызываетъ воинская повинность, съ которой они никакъ не могутъ помириться и едва ли скоро помирятся, хотя въ этомъ вопросѣ эта партія является болѣе откровенною и честною, чѣмъ старое духоборье. Постники прямо заявляли, что будто бы каждый духоборецъ, отпуска сына въ солдаты и ранѣе, давалъ ему наказъ не убивать человѣка на войнѣ, а стрѣлять вверхъ на небо, въ ангеловъ безтѣлесныхъ...

Въ воинскій наборъ истекшей осени духоборы всѣ явились сами, безъ привода на призывъ, но ни одинъ не захотѣлъ ни вынать жеребьевъ, ни раздѣваться для осмотра. Тѣмъ не менѣе довольно было милиціонеру прикоснуться къ одеждѣ новобранца духобора, какъ онъ тотчасъ самъ продолжалъ раздѣваться и вездѣ духоборы-новобранцы были взяты въ ряды войскъ.

Отрицаніе брака и семьи въ послѣднее время не всѣми твердо содержится, за то вегетарианство неукоснительно соблюдается.

Внѣшній видъ духоборцевъ этой партіи менѣе цвѣтущій, чѣмъ другихъ, при томъ многіе изъ нихъ сдѣлались весьма нервны и экзальтированы; но въ общемъ они благодушны и какъ будто не выказываютъ особой ненависти къ правительству. Многіе держатъ себя и относятся къ совершающимся преступнымъ событіямъ рѣшительно по-дѣтски, не отдавая отчета въ послѣдствіяхъ—другіе прямо какъ будто потеряли головы и ведутъ себя какъ безумные фанатики; есть прямо шарлатаны и агитаторы, которые поддерживаютъ упорство въ своихъ корыстныхъ видахъ.

У разселенныхъ духоборцевъ болѣе угнетенный видъ относительно условій жизни—они находятся въ крайне тяжеломъ положеніи. Мѣра эта является безпримѣрною въ исторіи борьбы съ сектантами. Экономическое состояніе третьей партіи подорвано, но въ общемъ еще достаточно. Къ работѣ постники стали крайне апатичны; въ услуженіе нейдутъ давно уже; и себѣ работниковъ не нанимаютъ (по толстовскому принципу) и помѣ-

щикамъ совѣмъ не хотятъ работать, между тѣмъ какъ бѣднымъ туземцамъ охотно помогаютъ даромъ или же берутъ за труды продуктами, но отнюдь не деньгами.

Вникая въ вопросъ, насколько глубоко проникли въ сознание массы постнической партіи идеи новаго анархическаго лжеученія, я пришелъ къ заключенію, что только вожаки, въ лицѣ нѣсколькихъ въ каждомъ селѣ лицъ, хорошо поняли смыслъ и значеніе доктринъ толстовизма и анархїи,—толпа же ринулась безумно, бессмысленно, тупо, въ силу чисто стаднаго чувства. Въ этомъ я склоненъ усматривать надежду на возможность вразумляющаго воздействия на послѣдователей этой партіи, если будутъ удалены немедленно же возбуждающіе толпу вожаки, которые, въ каждой общинѣ раздѣляются на двѣ категорїи: это—одни религіозные фанатики и проповѣдники собственно лжеученія, старающіеся укоренять его въ сознаніи толпы;—другіе дѣйствуютъ какъ бунтари анархическіе, возбуждаемые мстительною ненавистью къ правительству за горькія пережитыя въ послѣдніе дни 1896 года событія. Тѣ и другіе одинаково вредны и опасны.

Для миссіонерскаго воздействия эта партія представляетъ, какъ я убѣдился изъ личныхъ своихъ бесѣдъ, благодарную почву: постники охотно диспутируютъ. Религіозныя возрѣнія этой партіи представляются нынѣ совершенно разбитыми: отчаливъ отъ своего берега они не пристали еще къ вѣрной пристани, но блуждаютъ по волнамъ бушующаго вокругъ нихъ моря лжеученій. Постники будутъ рады помощи, которая выведетъ бы ихъ изъ этого водоворота.... Миссіи церкви здѣсь большое поле для воздѣлыванія, хотя жатвы придется ждать не скоро. Нельзя не пожалѣть, что Кавказская администрація въ Елисаветпольскомъ духоборьѣ подселила къ духоборамъ штундистовъ, въ видахъ миссіонерскаго воздействия на послѣднихъ.... Съ Экзархатомъ по этому вопросу не было сношеній. Представлялось бы излишнимъ—администраціи, во всѣхъ дѣлахъ, касающихся расселенія сосланныхъ сектантовъ, сноситься съ епархіальнымъ начальствомъ и поддерживать болѣе живыя сношенія съ духовнымъ вѣдомствомъ.

Обращая за симъ вниманіе на вопросъ о томъ, какія возможны послѣдствія для окружающаго туземнаго и сектантскаго населенія отъ анархическаго поведенія и пропаганды духоборовъ постниковъ, я убѣдился, что исторія духоборства получила широкую огласку среди всего населенія Кавказа; съ особеннымъ же

интересомъ слѣдятъ за исходомъ духоборческаго дѣла прыгуны, — нѣкоторые воззрѣнія духоборовъ, особенно противъ войны, знаютъ и одобряютъ штундисты и молоканы не только Кавказа, но и другихъ южныхъ губерній Россіи. Особенно вредное вліяніе въ смыслѣ распространенія преступнаго лжеученія оказываетъ расселеніе постпиковъ по Тифлисской губерніи. Нѣсколько ослабляетъ тлетворное вліяніе духоборческаго примѣра анархін то обстоятельство, что туземцы о распродажѣ скота и коммунистическихъ дѣйствій думаютъ, что духоборы пошодили съ ума. Такъ что лучше всѣхъ понимаютъ духоборческую анархію сектанты. Въ этомъ отношеніи духоборческое дѣло имѣетъ не только свое особое значеніе, но и общесектантское. Духоборческая исторія фактически нынѣ доказываетъ правительству ту несомнѣнную, хотя и скрытую, замаскированную лубавствомъ сектантовъ истину, что наше рационалистическое сектанство, въ силу близкой связи вопросовъ о религіозной свободѣ, равенствѣ и братствѣ съ социальными, представляетъ собою въ государствѣ горючій матеріалъ, въ смыслѣ удобства почвы для противоправительственной нигилистической и коммунистической пропаганды. Всѣ наши сектантскія общины во внутренней жизни своей отличаются кагальной сплоченностью, отчужденностью отъ общерусской жизни, недопускающею проникнуть въ ихъ внутренній міръ никому изъ принадлежащихъ къ сектѣ. И правительство не имѣетъ средствъ знать, что творится въ сектантскихъ сплошныхъ селеніяхъ, какъ не знало и о духоборчествѣ. Съ этой точки зрѣнія устройство сектантскихъ поселковъ на Кавказѣ съ ихъ и сельскими должностными лицами и волостными учрежденіями намъ показалось въ высшей степени не нормальнымъ: правительство на мѣстѣ, т. е. въ поселкахъ сектантовъ, рѣшительно не имѣетъ своего агента, такъ какъ всѣ должностныя лица — сектанты, у которыхъ основной догматъ повиноваться только въ томъ, что не противорѣчитъ заповѣдямъ Господнимъ, понимаемымъ по ихъ усмотрѣнію мужицкому.

Духоборческія событія показали какъ нельзя болѣе всю нецѣлесообразность подобнаго положенія дѣлъ относительно устройства сектантскихъ волостей, какъ особыхъ единицъ. Никогда иначе губернская администрація не опоздала бы съ наблюденіями и мѣрами воздѣйствія и пресѣченія, какъ это случилось теперь. Въ Карской, напр., области, гдѣ губернаторъ считается однимъ изъ энергичнѣйшихъ, до Ноября 1894 г. не возбудилось переписки по дѣлу о преступномъ поведеніи духоборцевъ, и еще 7-го Августа 1895 г. Карскій губернаторъ

извѣщаль Тифлискаго, что въ броженіи духоборчества нѣтъ никакихъ слѣдовъ сходства съ ученіемъ Толстаго. Въ бесѣдѣ со мною 7 Января г. Карскій Губернаторъ впервые, по видимому, узналъ, что духоборческое движеніе есть толстовщина, и это потому, что никто изъ мѣстной администраціи ничего не могъ знать, что продѣлывали между собою скрытные духоборы. Такимъ образомъ, вездѣ были упущены благопріятные періоды и моменты для мѣръ пресѣченія преступной пропаганды толстовскаго анархизма, отъ котораго пострадало столько людей и которое создало нынѣшнія затрудненія власти.

XI. Соображенія о мѣрахъ.

Въ заключеніе долгомъ считаю представить на высокопросвѣщенное усмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства краткій сводъ, лично доложенныхъ мною Вамъ, своихъ посильныхъ соображеній по вопросу о мѣрахъ. Въ виду исторической осложненности и запутанности вопроса о духоборческой сектѣ, особаго характера послѣдователей ея, а также, принимая во вниманіе и многія другія условія жизни Кавказской окраины, представляется—изъ далекаго Петербурга и въ настоящій собственно моментъ—крайне затруднительнымъ и едва-ли возможнымъ предусмотрѣть и выработать всѣ тѣ мѣры, которыя бы вполне разрѣшали нынѣшнее положеніе дѣлъ съ закавказскимъ духоборьемъ, такъ какъ послѣднее можетъ породить каждую минуту новые и новые сюрпризы. Духоборческая нація слишкомъ въ прожитыя сто лѣтъ замкнулась въ себя: она не понимаетъ ничего русскаго и въ свою очередь непроницаема и для насъ, чтобы смѣло и рѣшительно можно было обратиться за уврачеваніе этой тяжкой болѣзни, угнѣздившейся въ нашемъ церковногосударственномъ организмѣ. Неправильно принятыя мѣры нынѣ могутъ повести къ послѣдствіямъ, трудно послѣ поправимымъ. Духоборчество нынѣ подобно клокочущему внутри вулкану, который того и гляди извергнетъ на главу русской администраціи на Кавказѣ и пепель и кипучую лаву...

Затѣмъ настоящій моментъ представляется, по моему наблюденію, далеко несоотвѣтственнымъ для рѣшительныхъ дѣйствій и коренныхъ мѣръ власти въ отношеніи духоборья и въ частности для третьей, самой опасной части этого населенія. Первый моментъ начала броженія упущенъ, а теперь секта только что пережила тяжкій періодъ безумнаго увлеченія новымъ безпочвеннымъ ученіемъ и не успѣла еще дать себѣ отчета въ содѣянномъ. Этотъ

періодъ, по моему, только теперь вотъ настаетъ подь вліяніемъ уроковъ горькаго опыта жизни, сдѣланныхъ духоборцамъ разъясненій,—указаній, разоблаченій ихъ неправды.

На Кавказѣ утверждаютъ, что въ сущности во всѣ годы (съ 1886 г.) тревоженій духоборческаго масса цѣлою стѣною была отдѣлена отъ воздѣйствія вразумляющихъ мѣръ власти. Туземцы—должностныя лица не могли ни понять духоборческаго движенія, ни быть понятыми. Высшая власть имѣла дѣла съ вожаками, а они то и морочили массу и мистифицировали начальство. Реакція, въ смыслѣ разочарованія въ принятыхъ беспочвенныхъ и безумныхъ толстовскихъ правилахъ—должна наступить неминуемо и скоро. Уже нѣкоторые изъ высланныхъ въ горы Свенетіи заявили о своемъ покаяніи въ прошеніяхъ о помилованіи и возвращеніи. Прошенія эти безусловно полезно было бы удовлетворять немедленно же, но, къ сожалѣнію, кавказская администрація оставляетъ ихъ почему-то безъ послѣдствій.

Въ Душетскомъ уѣздѣ духоборы мнѣ заявляли, что ихъ беззащитныхъ грабятъ туземцы,—и это было выраженіемъ разочарованія. Къ Карскимъ же постникамъ не разъ подбирались курды; узнавъ о разоруженіи духоборовъ они крадутъ скотъ оставшійся, такъ что не пройдетъ и года, какъ сжегшіе свои ружья постники покупать новыя. Лучше Кавказа едва-ли какая другая окраина способна проучить безумцевъ. Нужно имѣть также въ виду и то психологическое явленіе, что постники, разорившись сами, дѣйствительно, желаютъ выселенія, отъ отчаянія и стыда предъ своими братьями, оказавшимися болѣе благоразумными. Самоувѣренные въ своей силѣ, они рассчитываютъ на новыхъ мѣстахъ зажечь трудовую жизнь при обновленной энергіи. Но выселенные массою въ принудительномъ порядкѣ, духоборцы-вожаки постнической партіи закалятъ слѣзую толпу, нынѣ колеблющуюся, съ двоящимися мыслями, въ нынѣшнихъ анархическихъ идеяхъ и обычаяхъ, которые будутъ для нихъ уже святынею, какъ символъ понесенныхъ страданій. Эти идеи и порядки будутъ жить, какъ причины новаго періода исторической жизни общины.

Такимъ образомъ создана будетъ самимъ же правительствомъ гдѣ-либо на русской территоріи безпримѣрная въ исторіи община, съ крайними анархическими воззрѣніями и принципами. Колонія эта, конечно, будетъ предметомъ вниманія интеллигентныхъ друзей анархіи, и кто знаетъ, какія печальныя послѣдствія эта колонія можетъ имѣть въ будущемъ.

Необходимо имѣть въ виду, что большинство духоборцевъ обѣихъ корректныхъ партій въ свою очередь страстно желаютъ выселенія постниковъ куда-либо подальше. Одна цѣль здѣсь эгоистическая,—чтобы получить землю ихъ въ пользованіе, а другая нравственная,—относительно возстановленія духоборческаго государства: желаютъ освободиться отъ безпокойнаго элемента, который служить живымъ укоромъ и критикою ихъ фарисейской политики и безнравственныхъ началъ жизни.

При сожительствѣ партіи постниковъ въ Закавказьѣ съ другими партіями является больше гарантій къ тому, что не произойдетъ объединенія первыхъ партій; наоборотъ, когда тронется третья партія изъ Закавказья въ невѣдомыя страны, заманчивыя своею новизною, измученная тревоженіями вторая партія можетъ тронуться вслѣдъ за постниками въ значительномъ числѣ, что усилитъ анархическую колонію до 10.000 и болѣе.

Наконецъ, при обсужденіи мѣръ наказанія нельзя не принять также во вниманіе и того обстоятельства, что, хотя постники, въ лицѣ массы, представляютъ собою элементъ безпокойный, крайне вредный и опасный, тѣмъ не менѣе эта толпа не есть преступники; а также и то, что худшихъ послѣдствій для Кавказа отъ духоборческой исторіи далѣе уже быть не можетъ.

Преступниками въ данной исторіи являются графъ Толстой, какъ ересіархъ-анархистъ, лжеученіе коего, безпрепятственно разливающееся среди интеллигенціи и просачивающееся въ народъ, грозитъ въ будущемъ большими бѣдами; затѣмъ князь Хилковъ, какъ инициаторъ и руководитель пропаганды воспринятаго постниками преступнаго лжеученія.

Князь Хилковъ и нынѣ продолжаетъ вести письменныя сношенія съ разселенными духоборами и поддерживаетъ въ нихъ духъ упорства и фанатизма. Такъ отъ 24 Октября 1895 года духоборъ Глаголевъ пишетъ: «отъ *христіанина* А. В. Глаголева—многоуважаемому другу, а по *духовности* духовному брату Д. А. Хилкову...»; въ концѣ этого духоборъ называетъ князя *дорогой другъ «Митя»*.

Въ письмѣ отъ 4 Января 1896 года духоборъ Новокшеновъ также величаетъ князя «другомъ» и проч., и такихъ писемъ цѣлый рядъ. Къ сожалѣнію, за перепискою сосланныхъ не установлено надзора, а между тѣмъ къ нимъ идутъ и пуды книгъ и кучи писемъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи отъ Толстовской клики. Третьимъ

преступникомъ, еще болѣе вреднымъ и умнымъ, чѣмъ Хилковъ, является Бодянской, за ними слѣдуетъ компанія агитаторовъ духоборцевъ: Веригинъ, Конкинъ, братья Веригина, Верещагины и проч.

Выслать и расселить постниковъ правительствомъ всегда успѣть, но вернуть назадъ высланныхъ уже будетъ также нельзя, какъ нынѣ расселенныхъ ахалкалакскихъ постниковъ, ибо это значило-бы поправлять ошибку администраціи Кавказской и дескретировать власть...

Въ виду изложенныхъ общихъ соображеній, я бы полагалъ: прежде всего и какъ можно скорѣе.

1) Принять, какія признаетъ правительство возможнымъ, мѣры пресѣченія противъ графа Толстаго въ отношеніи его дружины, безпрепятственно агитирующей съ проповѣдью анархическаго сектантства среди православнаго и сектантскаго населенія.

2) Князя Хилкова и Бодянскаго лучше всего выслать-бы за границу.

3) Веригина и Конкина необходимо заключить въ крѣпость, иначе никогда не прекратятся сношенія съ ними со стороны ихъ поклонниковъ духоборцевъ, которые нынѣ успѣли уже проникнуть въ Сибирь къ нему.

4) Прочихъ преступныхъ агитаторовъ анархической пропаганды въ судебно-административномъ порядкѣ наказывать высылкою.

5) Вожаковъ — проповѣдниковъ удалить изъ среды другихъ вмѣстѣ съ семействами въ отдаленные края.

6) Изъ населенныхъ по Тифлисской губерніи наиболѣе упорныхъ и замѣченныхъ въ ахалкалакскихъ безпорядкахъ 30 Іюня — выселить, прочихъ вернуть въ мѣста прежняго жительства, причемъ указать администраціи Кавказской не только не задерживать удовлетвореніемъ просьбъ о возвращеніи, а поощрять къ подачѣ, такъ какъ это облегчитъ разрѣшеніе вопроса.

7) Сдавшихъ ополченскія свидѣтельства слѣдовало бы зачислить не въ зачетъ въ дѣйствительную службу, напр. въ пограничную стражѣ, а вышедшихъ изъ строя на повторительную службу взять, такъ чтобы это было не повадно и другимъ.

8) На освобожденной отъ высылки землѣ въ духоборческихъ поселкахъ поселить на льготныхъ условіяхъ русскихъ коренныхъ православныхъ людей, образовавъ изъ нихъ образцовый приходъ, съ достойнымъ священникомъ-миссіонеромъ во главѣ, построивъ церковь и школу.

9) Немедленно же принять мѣры къ открытію во всѣхъ духовоборческихъ селеніяхъ школы; учителей назначать туда по сношеніи съ духовнымъ вѣдомствомъ, правоспособныхъ и для веденія миссіи,—при этомъ принять мѣры къ обязательному обученію дѣтей опредѣленнаго возраста. Нынѣ духовоборы первыхъ партій на все согласятся и нельзя не воспользоваться настоящимъ благоприятнымъ моментомъ.

10) Чтобы ослабить значеніе сиротскаго дома, настоять открытіи въ духовоборьѣ ссудныя волостныя кассы на основаніи дѣйствующихъ о семь правилъ.

11) Зоркое имѣть наблюденіе за происходящими среди сектантовъ явленіями, для чего а) возложить общее руководство и наблюденіе за проведеніемъ мѣръ, какія угодно будетъ государственной власти признать полезными, на особаго чиновника (или военнаго) русскаго, состоящаго при Кавказскомъ центральномъ управленіи, б) назначить старшинъ правительственныхъ, но дѣльныхъ изъ русскихъ, напр., жандармскихъ солдатъ,—во всѣ рѣшительно духовоборческія волости, а также желательно бы въ другихъ сектантскихъ волостяхъ (молоканскія) имѣть правительству своихъ агентовъ, напр. въ лицѣ хотя бы писарей православнаго исповѣданія.

12) Учредить не менѣе двухъ миссіонерскихъ или солдатскихъ вакансій для Кавказа съ исходатайствованіемъ ассигнованія ежегодно 5 тысячъ на сей предметъ изъ государственныхъ суммъ.

Февраль 1896 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

I. Начало возникновенія и раздѣленіе исторіи духоборческой секты на періоды	1
II. Первый періодъ духоборческой исторіи	—
III. Второй періодъ исторической жизни духоборческой секты и присвоеніе ею себѣ правъ „государства въ государствѣ“	2
IV. Третій періодъ жизни секты (въ закавказьѣ)	7
V. Періодъ четвертый (1886—1893 гг.) и взглядъ на событія и явленія этого времени	12
VI. Пропаганда толстовщины и печальныя явленія въ періодъ времени 1893—1896 гг.	14
VII. Характеристика нынѣшняго состоянія духоборческихъ партій. Горьльская партія.	26
VIII. Характеристика второй партіи (Воробьева)	29
IX. Третья—постыничская партія	33
X. Соображенія о мѣрахъ	38